

Посвящается

*Ренэ,
которая знает мое сердце.*

*Александре,
которая воплощает мои надежды.*

*И Бену,
который разделяет со мной мечты.*

ЧАСТЬ I

БЕЗЫМЯННЫЙ
КОРОЛЬ

1: *Князь Тьмы*

«Ты слишком сильно любишь, о мой король». Моя королева повторяла эти слова долгими веками, которые мы провели вместе. Сначала с улыбкой. А в последние годы — хмурясь. Взгляд ее задерживался на наших детях, которые носились по дворцу, то обращаясь в пламя, то обретая плоть — маленькие вихри невероятной красоты.

«Я боюсь за тебя, Мехерья, — ее голос трепетал. — Боюсь того, на что ты станешь способен, если кто-то причинит вред тем, кого ты любишь».

«Никто никогда не причинит вам вреда. Клянусь».

Я говорил с пылом и безумством юности, хотя, разумеется, уже тогда не был юн. Даже в тот день, когда ветры с реки откинули назад темные, как ночь, волосы королевы, а по лицу ее струился солнечный свет, подобный жидкому золоту. Он озарял и наших детей, чей смех звенел, наполняя собой наш каменный дворец.

Она была уницей своего страха. Я взял ее за руки.

— Клянусь, я уничтожу любого, кто попытается навредить вам.

— Нет, Мехерья! — В последующие годы я не раз задавался вопросом: неужели она уже тогда знала, во что я могу превратиться? — Поклянись, что никогда так не поступишь. Ты — наш возлюбленный Мехерья. Твое сердце создано для любви. Ты существуешь, чтобы давать, а не брать. Поэтому ты и король народа джиннов. Поклянись.

В тот день я принес ей две клятвы: вечной защиты и вечной любви.

Всего через год я нарушил обе.

На стене пещеры, скрытой от глаз людей, висит Звезда. У нее четыре луча, на вершине зияет узкая трещина. По всей поверхности Звезды бегут тонкие шрамы — память о тех днях, когда Книжники разбили ее и пленили мой народ. Металл нетерпеливо блестит, словно

глаза хищного животного, следящего за добычей. В этом оружии заключена великая сила: ее хватит, чтобы уничтожить древний город. Чтобы уничтожить древний народ. Чтобы пленить джиннов на тысячу лет.

И снова освободить их.

Словно чувствуя вибрации браслета у меня на руке, Звезда тихо отзывается, пытаюсь притянуть к себе недостающую часть. По моему телу идет судорога, когда я поднимаю браслет вверх, и он взмывает к Звезде по воздуху, как серебряный угорь. Выщербленное место стягивается, словно заживающая рана.

Четыре луча Звезды вспыхивают, освещая самые дальние углы гранитной пещеры, и собравшиеся вокруг меня создания злобно шипят. Но тут сияние угасает, остается лишь бледный лунный свет. У моих ног копошатся оборотни-гули.

«Господин... Господин...»

За ними в ожидании приказа застыл Повелитель рэйфов, рядом с королями и королевами ифритов, моря и ветра, песка и камня, воздуха и снега.

Они смотрят на меня, молчаливые и напряженные, и я разворачиваю пергамент, который держу в руках. Он неприметен, как песок. Но не таковы слова, что в нем содержатся.

Я призываю повелителя рэйфов, и он приближается. Он повинуется неохотно, принуждаемый магией. Постоянно борется, желая освободиться от меня. Но пока что он мне нужен. Рэйфы — обрывки погибших душ, соединенные древним волшебством. Если нужно, они могут становиться совершенно невидимыми. Даже знаменитые Маски Империи их не увидят.

Я протягиваю ему пергамент и слышу ее голос. Голос моей королевы. Едва слышный шепот колеблется, как огонек свечи холодной ночью. «Мехерья, если ты это сделаешь, обратного пути не будет. Надежда вернуть тебя будет утрачена. Обдумай все еще раз».

Я делаю, как она просит. Обдумываю еще раз.

И вспоминаю, что она мертва, что ее уже тысячу лет как нет. Ее присутствие — лишь иллюзия. Ее голос — это голос моей слабости. Я протягиваю свиток повелителю рэйфов.

— Сделай так, чтобы это попало в руки Кровавого Сорокопута, Элен Аквиллы, — говорю я ему. — И больше ни в чьи.

Он кланяется мне, и вперед выходят ифриты. Я велю им отойти: для них у меня другая задача. Остальные преклоняют колени.

— Давным-давно вы дали Книжникам знание, которое привело к поражению моего народа и всего мира духов. — По рядам ифритов пробегает печальный ропот, они тоже это помнят. — Предлагаю вам искупить вину. Отправляйтесь к нашим новым союзникам на юг. Дайте им понять, что за силу они могут вызвать из тьмы. Луна Урожая встанет через шесть месяцев. Я хочу, чтобы вы справились с заданием раньше этого срока. А вы... — обращаюсь я к гулям-упырям, — ступайте, ешьте вдоволь. Не подведите меня.

Когда они все уходят, я созерцаю Звезду и думаю о предательнице-джиннше, которая помогла создать это оружие. Наверное, для человека Звезда сияет надеждой.

Я же чувствую к ней лишь ненависть.

Перед моим внутренним взором всплывает женское лицо. Лайя из Серры. Мои руки помнят ее кожу, ее прикосновения. Я чувствую, как ее руки обнимают меня за шею. Помню, как она закрывает глаза. Ощущаю вкус ее губ. С ней мне показалось, что я стою на пороге своего прежнего дома, проветренного и чисто прибранного. С ней мне казалось, что я в безопасности.

«Ты любил ее, — говорит моя королева. — А потом предал».

То, что я предал какую-то девчонку из Книжников, ничего не значит. Я предавал сотни людей.

Но все же что-то глубоко беспокоит меня. Что-то необъяснимое произошло, когда Лайя из Серры отдала мне свой браслет. После того, как она поняла, что юно-

ша, которого она называла Кинаном, — лишь маска, за которой скрывается кто-то другой. Как и все остальные, она увидела в моих глазах самые черные моменты своей жизни. Но когда я заглянул в ее душу, что-то — вернее, кто-то — посмотрел на меня оттуда: и это была моя королева, смотревшая мне в глаза через столетия.

Я увидел ее ужас. Ее скорбь о том, кем я теперь стал. Ее боль из-за страданий, причиненных Книжниками нашим детям и всему нашему народу.

Я думаю о моей королеве каждый раз, когда совершаю новое предательство. С каждым новым человеком, которого за тысячу лет я успел отыскать, обмануть, заставить полюбить себя и забрать еще одну частицу Звезды. Снова и снова.

Но никогда еще Королева не смотрела на меня из глаз другого. Никогда в мое сердце не вонзался острый меч ее разочарования.

Это всего лишь еще одно предательство. Еще одно.

Но королева говорит со мной: «Не делай этого. Прошу тебя».

Я заставляю ее замолчать. Изгоняю из своей памяти. Думаю, больше я никогда не услышу ее.

2: Лайя

В этом набеге все сразу пошло не так. Мы с Дарином Оба это знаем, но молчим.

Хотя мой брат в эти дни вообще почти ничего не говорит.

Призрачные фургоны, которые нам удалось наконец догнать, остановились возле деревни Меченосцев. Я поднимаюсь из-за тяжелых от снега кустов, за которыми мы прятались, и киваю Дарину. Он хватает меня за руку и крепко сжимает. «Береги себя».

Я использую невидимость — способность, появившуюся у меня совсем недавно. Я еще не очень хорошо умею ею управлять. Пар от дыхания срывается с моих губ белыми облачками, тает, извивается в воздухе, как змея, которую заклинают неведомой песней. Повсюду в Империи распускаются весенние цветы, но здесь, совсем близко к столице, Антиуму, зима еще не отступила и хлещет нас по щекам ледяными руками.

Полночь прошла, несколько фонарей в деревне мигают, ветер крепчает. Добравшись до каравана с узниками, я низким голосом издаю крик полярной совы, которую нередко можно услышать в этой части Империи.

Я крадусь к призрачному фургону, и мою кожу начинает покалывать. Инстинкт заставляет меня резко обернуться. Но вокруг все тихо, ближайший патруль меченосцев даже не смотрит в мою сторону. Все вроде бы в порядке.

«Ты просто слишком нервничаешь, Лайя. Как всегда». От нашего лагеря до границ Земель Ожидания — двадцать миль. Мы с Дарином спланировали и совершили уже шесть набегов на караваны, перевозящие имперских узников. Мой брат не выковал ни одного меча из серрийской стали. Я не ответила ни на одно письмо Араджа, предводителя Книжников, который вместе с нами бежал из тюрьмы Кауф. Но мы с братом, Афией Ара-

Нур и ее людьми за последние два месяца освободили уже больше четырехсот Книжников и кочевников.

Но это, конечно, не гарантирует, что нам снова повезет. Этот караван не такой, как другие.

По его периметру — от деревьев и по направлению к лагерю — движутся знакомые фигуры в черном. Это Афия и ее люди готовятся к атаке, следуя моему сигналу. Их присутствие придает мне отваги. Кочевница, которая помогла освободить Дарина из Кауфа, — тот самый человек, благодаря которому мы вообще узнали о призрачных фургонах и узнике, которого они сейчас перевозят.

Отмычки в моей руке колют ладонь, как ледяные иглы. Шесть кибиток стоят полукругом, посередине — две повозки с провиантом. Большинство солдат занято лошадьми и кострами. Снег вьется вихрями, обжигая лицо. Я подкрадываюсь к первому фургону и начинаю возиться с замком. Отмычки в замерзших руках работают плохо. *Поторопись, Лайя!*

В фургоне так тихо, как будто он пустой. Но я-то знаю... Тишину нарушает тихий плач ребенка, но его быстро заставляют замолчать. Узники уже усвоили урок, что единственный способ избежать страданий — это не издавать ни звука.

— Где все, черт бы их побрал? — слышу я грубый голос совсем рядом и едва не роняю отмычку в снег. Вблизи от меня проходит легионер, и по спине у меня пробегает холодок. Я не решаюсь дышать. «Что, если он меня увидит? Вдруг моя невидимость не сработает?» Такое уже случалось, когда на меня неожиданно напали или я оказывалась посреди толпы.

— Разбудите хозяина трактира! — легионер поворачивается к солдату-ополченцу, который бежит к нему со всех ног. — Велите ему пошевеливаться и приготовить нам комнаты.

— Трактир пуст, господин. Похоже, жители оставили деревню.

Меченосцы обычно не покидают свои дома, особенно посреди зимы. Единственное исключение — если в поселение начался мор. Но если бы это произошло, Афия бы знала.

«Лайя, это не твое дело. Твое дело — открыть замки».

Солдат-ополченец и легионер устремляются к трактуру. Когда они наконец исчезли, я смогла вставить отмычку в замок. Но металл сопротивляется, он замерз и покрыт инеем.

Ну же! Сейчас, когда со мной нет Элиаса Витуриаса, чтобы открыть половину замков, мне приходится трудиться вдвое больше. Нет времени, чтобы думать о моем друге, и все же я не могу побороть тревогу. Его участие в набегах всегда помогало нам не попадаться. И в конце концов, он же сказал, что остается с нами.

О небо, что могло случиться с Элиасом? Он никогда меня не подводил! *По крайней мере, в набегах.* Неужели Шэва узнала, что он помог мне и Дарину и провел меня из дома в Свободных Землях через Земли Ожидания? Неужели сейчас она наказывает его за это?

Я почти ничего не знаю о Ловце Душ. Мне известно, что она замкнутая, и предполагаю, что она меня не любит. Иногда, когда Элиас приходит из Земель Ожидания навестить меня и Дарина, я чувствую, что джиннша следит за нами, но в ее взгляде нет ненависти. Только печаль. Но небеса знают, что я не умею чувствовать скрытую злобу.

Будь это любой другой караван, любой другой узник, я бы никогда не стала рисковать жизнью Дарина и кочевников... И своей собственной.

Но мы стольким обязаны Маме Риле и остальным узникам клана Саиф, что просто не можем не освободить их. Кочевница, приемная мать Элиаса, рискнула и своей жизнью и свободой, и жизнями своих родных, чтобы я смогла спасти Дарина. Я не имею права ее подвести.

Элиаса нет. Ты тут одна. Шевелись!

Наконец замок поддается, и я бегу к следующему фургону. Скрывшись среди деревьев всего в нескольких футах отсюда, Афия, должно быть, уже проклинает меня за нерасторопность. Чем дольше я вожусь, тем больше шансов, что меченосцы схватят нас.

Когда замок открывается, я подаю сигнал. «Вжик. Вжик. Вжик». Темноту со свистом рассекает несколько дротиков. Меченосцы по периметру беззвучно падают, мгновенно лишаясь чувств от редкого южного яда, которым смазаны концы дротиков. Над солдатами тут же тенями встают полдюжины кочевников, перерезают им горло.

Я отвожу глаза от этого зрелища, но слух отключить не могу и слышу предсмертные хрипы. Этого было не избежать, я знаю. Без серрийской стали людям Афии не одолеть меченосцев в открытом бою, оружие кочевников просто сломается. Но когда я вижу такое тайное и молниеносное убийство, кровь всякий раз стынет в жилах. Не думаю, что когда-нибудь привыкну к этому.

От теней отделяется одна, у нее в руках блестит оружие. Сложные татуировки на руках, означающие, что она «залдара», глава племени кочевников, сейчас скрыты длинными темными рукавами. Я издаю тихий свист, чтобы Афия Ара-Нур поняла, где именно я нахожусь.

— Ты слишком долго возилась, — Афия резко оглядывается вокруг, черные и красные косы на ее голове взлетают. — Где, ад его возьми, этот Элиас? Он что, теперь тоже умеет становиться невидимым?

Элиас наконец рассказал Афии о Землях Ожидания. О том, что умер в тюрьме Кауф, о том, как воскрес, о своем договоре с Шэвой. В тот день кочевница прилюдно назвала его дураком, а потом нашла меня и сказала: «Забудь его, Лайя. Что может быть глупее, чем любить мертвого проводника призраков? Плевать, насколько он привлекателен, это не приведет ни к чему».

— Элиас не пришел.

Афия, выругавшись по-садски, разворачивается к фургонам. И тихо объясняет узникам, что им нужно следовать за ее людьми, стараясь при этом не шуметь.

Из деревни доносятся крики и свист стрел. Это в пятидесяти ярдах от нас. Оставив Афию, я бегу туда, к этим домам, к темной улице, на которой стоит трактир. Бойцы Афии в прячутся от полудюжины имперских солдат. В воздухе свистят стрелы и дротики — слабая защита от разящих клинков меченосцев. Я бросаюсь в гущу боя и изо всей силы бью солдата рукоятью кинжала в висок. Этих ополченцев всегда нетрудно вырубить.

Даже слишком легко.

Где-то поблизости должны быть еще войска, скрытый отряд. Или даже Маска, который следит за всеми, оставаясь невидимым.

— Лайя! — я вздрагиваю от неожиданности. Золотистая кожа Дарина темна от грязи — он вымазался ею для маскировки. Капюшон скрывает копну непослушных медово-золотых волос. Наконец-то они отросли до прежней длины! Глядя на него, никто бы сейчас не поверил, что он полгода провел в тюрьме Кауф. Но в глубине души мой брат все еще борется с демонами. Из-за них он пока не может ковать серрийскую сталь.

«Главное, что он здесь, — говорю я себе. — Он помогает мне. Он сражается. А оружие подождет, когда он будет готов».

— Мамы Рилы здесь нет, — говорит Дарин и обращивается, когда я беру его за плечо. Голос у него хриплый, потому что он чаще молчит. — Но я нашел ее приемного сына, Шана. И он сказал, что солдаты забрали ее из фургона и увели, когда караван встал на ночевку.

— Значит, она в деревне, — отвечаю я. — Выводи узников, а я пойду ее искать.

— Деревня не должна быть пустой, — предостерегает меня Дарин. — Тут что-то не так. Ступай с узниками ты, а я разузнаю про Маму.

— Что я знаю наверняка — так это что за ней должен пойти один из вас, — рядом со мной появляется Афия. — Потому что я не собираюсь этим заниматься. У нас тут полно узников, и о них нужно позаботиться.

— Если что-то пойдет не так, я могу использовать невидимость. — говорю я. — Так что пойду я. Встретимся в лагере.

Брат сердито поднимает брови, безмолвно возражая. Он может быть таким же упрямым, как наша мать... Иногда его не сдвинуть с места, как гору.

— Я иду с тобой, сестренка. Элиас согласился бы. Он же знает...

— Если ты такой близкий друг Элиаса, — сердито шиплю я в ответ, — скажи ему, пожалуйста, чтобы не забыл прийти, когда в следующий раз решит нам помочь.

Губы Дарина изгибаются в мимолетной кривой улылке. Улылке нашей матери.

— Лайя, я знаю, что ты на него злишься, но...

— Избави меня небеса от мужчин, которые важными голосами станут говорить, что они все знают лучше меня! Давай уже выбирайся отсюда. Ты нужен Афии. Ты нужен узникам. Иди.

Прежде чем он успел возразить, я бросаюсь бежать в сторону деревни. Это крохотное селение, не больше сотни домов, крытых соломой. Крыши просели под тяжестью снега, улицы узкие и темные. На них завывает яростный ветер, клубясь над аккуратными садиками. Посреди улицы кто-то забыл метлу — я спотыкаюсь об нее и едва не падаю. Селяне ушли совсем недавно, второпях. Я чувствую это.

Я продвигаюсь вперед осторожно, боясь того, что может скрываться в темноте. В памяти невольно всплывают истории, которые вполголоса рассказывают в трактирах и у костров кочевников: рэйфы перегрызают горло мореходам... В лагерях на Свободных Землях заживо сожжены семьи Книжников... Феи — мелкие крылатые демоны — нападают на караваны и сосут у скота кровь...

Все это, я даже не сомневаюсь, дело рук существа, раньше называвшего себя Кинаном.

Князя Тьмы.

Я останавливаюсь на миг, чтобы заглянуть в темное окно. Ничего не могу разглядеть в черной стигийской ночи. Идя к следующему дому, я мучаюсь от ужасного чувства вины, стыжусь прошлой слабости. «Это ты позволила Князю Тьмы забрать браслет, — шипит у меня в ушах внутренний голос. — Ты стала для него легкой добычей. И он еще на шаг приблизился к тому, чтобы уничтожить Книжников. Он найдет недостающие части Звезды и освободит джиннов. И что тогда будет, Лайя?»

Но, может быть, Князю тьмы понадобятся долгие годы, чтобы найти остальные части Звезды, — пытаюсь я себя утешить. Может быть, недостает еще нескольких частей, а не одной. Может, не хватает еще десятков фрагментов.

Вспышка света впереди. Я отбрасываю мысли о Князе Тьмы и спешу к домику на северном краю деревни. Внутри горит лампа. Дверь открыта, достаточно широко, чтобы я могла проскользнуть внутрь, не прикасаясь к ней. Никто из находящихся внутри ничего не заметит.

Оказавшись в доме, некоторое время я привыкаю к свету. Я вижу Маму Рилу, привязанную к стулу — она похожа на тень прежней себя. Темная кожа обвисла, как слишком просторная одежда, а ее кудрявые густые волосы сбриты безжалостной рукой.

Я уже рядом, но странное предчувствие, поднявшись из глубин подсознания, заставляет меня остановиться.

За спиной слышится топот тяжелых башмаков. Я оборачиваюсь в панике, половица скрипит под моей ногой. Я успеваю увидеть блеск чего-то серебряного — *это Маска!* — и в тот момент кто-то зажимает мне рот и заламывает за спину руки.

3: Элиас

Не важно, как часто я выбираюсь из Земель Ожидания. Это всегда трудно. Я приближаюсь к восточной линии деревьев, и от белой вспышки у меня в животе все сжимается. Призрак!.. Я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться, затаиваюсь. Если он заметит меня так далеко от мест, где я должен находиться, весь этот чертов Сумеречный Лес будет знать, куда и зачем я собрался. Призраки, как выяснилось, обожают сплетничать.

Время тянется. Я уже опоздал. Лайя ждала меня в условленном месте больше часа назад, и этот набег — не из тех, что она готова пропустить только из-за того, что меня нет рядом.

Я уже почти на месте. Я выпрыгиваю в свежий снег на границе Земель Ожидания, которые мерцают у меня за спиной. Обычный человек их не увидит. Но мы с Шэвой видим мерцающую стену так же ясно, как каменную. Я могу проходить сквозь нее, но духов она не выпустит наружу, а любопытных не пустит внутрь. Шэва провела не один месяц, обучая меня всему, и рассказала о назначении стены.

Она будет в бешенстве. Я ведь не первый раз ускользаю в мир живых, вместо того чтобы проходить обучение на Ловца Душ. Шэва — джинн, однако когда речь идет об учениках, пропускающих занятия, она так же нетерпелива, как люди. Но я четырнадцать лет изучал всевозможные способы ускользать от центурионов Блэклифа. Если попасться в Блэклифе, тебя выпорют. А Шэва в худшем случае просто будет на меня дуться.

— Возможно, мне тоже стоит прибегнуть к порке, — разрезал воздух холодный голос Шэвы, и я едва не выпрыгнул из собственной кожи. — Может, это наконец заставит тебя, Элиас, вплотную заняться своими обязанностями и перестать изображать героя?

— Шэва! Я просто хотел... Ох, что это с тобой? Ты дымишься? — От женщины-джинна густыми клубами поднимался пар.

— Кое-кто забыл развесить выстиранное белье. — В ее взгляде пылала ярость. — У меня кончились чистые рубашки.

Ну да, она — джинн, и ее тело настолько горячо, что может высушить гору мокрой одежды... Она уже несколько часов пускает пар. Неудивительно, что она выглядит так, будто готова отвесить мне пощечину.

Шэва хватается меня за предплечье, жар ее кожи прогоняет холод, который пронизал меня до костей. Через несколько мгновений мы уже далеко от границы. Моя голова кружится от магии, которую она применила, чтобы стремительно перенести нас через лес.

При виде красной мерцающей рощи джиннов я не могу сдержать стоны. Я ненавижу это место. Хотя джинны и заперты здесь, у них достаточно сил, чтобы проникнуть в мою голову, как только я преступлю границы рощи.

Шэва закатывает глаза, словно ей приходится иметь дело с бестолковым младшим братом. Ловец Душ наконец отпускает мою руку. Освободившись, я обнаруживаю, что мне трудно идти. Шэва наложила на меня какое-то заклятие. Похоже, она совсем потеряла терпение. Я пытаюсь вернуть себе контроль над своим телом, но мне это не удается.

— Довольно подлый прием.

— Ты легко его освоишь, если останешься со мной и позволишь научить тебя. — Она кивает в сторону рощи, где между деревьев мелькают духи. — Видишь, Элиас, призрак ребенка нуждается в утешении. Ступай, покажи, чему ты научился за последние недели.

— Меня не должно здесь быть. — Я посылаю мощный мысленный импульс Стражу. — Я нужен Лайе, Дарину и Маме Риле.

Прислонившись к развесистому дереву, Шэва смотрит на небо в просвет между голыми ветвями.

— Полночь наступила час назад. Набег уже начался. Лайя наверняка в опасности. А также Дарин и Афия. Войди в рощу и помоги призраку совладать с собой. Если у тебя получится, я сниму заклятие и отпущу тебя. Иначе твоим друзьям придется подождать.

— Ты сегодня в ужасном настроении, — говорю я. — Ты что, не завтракала?

— Не пытайся обратить все в шутку.

Пробормотав проклятье, я внутренне вооружаюсь против джиннов, представляя, что окружен барьером, за который не проникнут злые шепотки. Чем ближе к роще я подхожу, тем больше их взглядов обращается ко мне. Они напряженно вслушиваются.

Мгновение спустя в моей голове начинает звенеть призрачный смех. Голоса перебивают друг друга. Насмешки, хохот, шепот... Звуки наслаиваются, сливаются в адский гул. Таковы джинны.

«Ты не можешь ничем помочь призракам, смертный глупец! Ты не можешь помочь Лайе из Серры. Она вскоре умрет медленной мучительной смертью».

Злоба джиннов сметает все барьеры, что я создал для своей защиты, проникает в глубь сознания. Эти существа читают мои самые темные мысли, вытаскивают наружу потаенные страхи. Я вижу перед собой умирающую, израненную Лайю. Эта картина настолько реальна, что ужас проникает в сердце. Я призываю разум помочь мне различить, где тут реальная роща джиннов, а где насылаемые ими злые видения.

Закрываю глаза и медленно говорю себе: «Это иллюзия». Когда я открываю их вновь, то вижу у подножия ближайшего дерева мертвую Элен. Дарин лежит рядом с ней. И Мама Рила. И Шан, мой приемный брат. Вспоминается поле битвы во времена моего Первого Испытания. Это было так давно... Воспоминания причиняют еще большую боль — тогда я оставил после себя слишком много крови и страданий.

Я припоминаю уроки Шэвы: *«В роще джинны сильны. Они могут проникать в твой разум, обнажая стра-*

хи, что живут в нем». Всеми силами стараюсь стряхнуть с себя эту магию, но джинны цепко держат меня. Их шепот проникает в самое сердце.

Рядом со мной каменеет Шэва.

— *Привет тебе, предательница*, — джинны обычно очень надменно общаются с Ловцом Душ. — *Ты обречена. Всюду запах смерти.*

Шэва сжимает зубы, а я страстно желаю, чтобы в руках у меня оказалось любое оружие, способное дать им отпор. Шэве так много пришлось пережить, дразнить ее слишком подло.

Но Ловцу Душ достаточно протянуть руку к ближайшему дереву джиннов. Хотя я и не чувствую потоков магии Земель Ожидания, очевидно, Шэва ею воспользовалась. Джинн умолкает.

— Ты недостаточно силен, — говорит она мне. — И становишься легкой добычей для джиннов. Они любую мелочь способны обратить против тебя.

— Жизни Лайи, Дарина и Мамы — это не мелочи!

— Их жизни ничего не значат в потоке времени, — отвечает Шэва. — Я не останусь тут навсегда, Элиас. Тебе необходимо научиться быстрее проводить призраков вовне. Их тут уже слишком много. — Заметив мое угрюмое выражение лица, она печально вздыхает. — Скажи, что ты собираешься делать, если призрак откажется оставить Земли Ожидания до тех пор, пока не умрут все, кого он любил в своей жизни?

— Э... М-м...

Шэва издает долгий стон. Выражение ее лица напоминает мне Элен в те моменты, когда я опаздывал на занятия.

— А что ты будешь делать, если придет сразу сотня призраков? Кричащих и страдающих? Они будут перебивать друг друга, пытаясь быть услышанными. Как поступить с духом человека, который при жизни совершил ужасные деяния и не испытывает никакого раскаяния? Знаешь ли ты, почему в наших землях так мало духов кочевников? Понимаешь, что может произойти,

если быстро не отправлять духов дальше по их пути и позволять им скапливаться?

— Теперь, когда ты упомянула об этом... — осмеливаюсь сказать я, чувствуя, что во мне пробудилось любопытство. — В самом деле, что случится, если...

— ...если ты не переправишь духов достаточно быстро, это будет твой конец как Ловца Душ! И конец мира людей, каким ты его знаешь. Я молюсь, чтобы этот день никогда не настал!

Она тяжело садится на землю и опускает голову на руки. Я усаживаюсь рядом, грудь сдавливает ощущение ее горя. Это совершенно другое чувство, оно не похоже на то, что я испытывал, когда на меня гневались центурионы. Да мне было вообще плевать, что они думают. Но ради Шэвы я должен научиться хорошо справляться со своими обязанностями. Мы провели вместе столько времени, выполняя работу Ловца Душ... Но не только поэтому. Кроме работы, мы изучали военную историю, вместе вели хозяйство, обменивались опытом охоты и битвы. Шэва умна и мудра. Она мне как старшая сестра, и я не хочу ее разочаровывать.

— Откажись от походов в мир людей, Элиас. Эта привязанность мешает тебе овладеть магией Земель Ожидания.

— Но я же научился перемещаться в пространстве со скоростью ветра, — Шэва сама обучала меня этому искусству. Правда, она всегда обгоняет.

— Переноситься с ветром — это физическая магия, самая простая, — вздыхает Шэва. — Когда ты дал обет, магия Земель Ожидания вошла в твою кровь. И тогда в тебе появился *Маут*.

Маут. Я с трудом преодолеваю дрожь. Мои губы не могут произнести ни звука. Когда древняя магия впервые заговорила со мной устами Шэвы, призывая стать Ловцом Душ, я не знал, что у нее есть имя.

— Маут — источник силы всего мира духов, Элиас. От него получают свою мощь джинны, ифриты, оборотни-гули. Даже твоя подруга Элен исцеляет больных

с помощью этой силы. Именно Маут дает тебе силы, чтобы выполнять работу Ловца Душ.

«Он». Как будто магия — это личность!

— Он поможет тебе проводить призраков дальше, если ты позволишь ему. Истинная власть Маута находится здесь, — Шэва прикасается к моей груди, где гулко бьется сердце. Затем дотрагивается до моего лба. — И здесь. Пока душа не связана с магией нерушимыми узами, тебе не стать настоящим Ловцом.

— Легко сказать! Ты же джинн! Магия — это часть тебя. Мне не так просто овладеть ею. Стоит на шаг отойти от деревьев — магия накидывается на меня и дергает назад, как поводок строптивую собаку. А если я пытаюсь прикоснуться к Лайе, то... Проклятье! Даже воспоминание причиняет мне такую сильную боль, что я невольно морщусь.

— *Видишь, предательница, как глупо было доверять судьбы умерших этому смертному!*

Пресекая вмешательство своих родственников-джиннов, Шэва посылает такую мощную волну магии в рощу, что даже я чувствую вибрации этой силы.

— Сотни призраков ожидают перехода, и с каждым днем прибывают новые, — говорит Шэва. По ее лбу градом катится пот, будто она противостоит мощи неведомого врага в невидимой мне битве. Шэва старается говорить тихо и спокойно, только поглядывает в сторону деревьев у себя за спиной. — Я очень беспокоюсь! Скорее всего, Князь Тьмы исподтишка действует против нас. Ему нельзя доверять! Пока я не пойму, что он задумал, мы должны быть осторожны.

— Ясно одно — он работает против нас. Его цель — освободить плененных джиннов.

— Нет. Я чувствую его темную магию, но она направлена на что-то другое... — говорит Шэва. — Если какая-то злая сила заберет меня раньше, чем закончится твоё обучение... — Она прерывисто вздыхает и умолкает, чтобы собраться с духом.

— Я не подведу тебя, Шэва, — говорю я ей. — Клянись тебе. Но я обещал Лайе помочь ей нынче ночью. Иначе она и Мама погибнут. Может быть, они уже мертвы. Не знаю, ведь меня нет рядом с ними.

О Небеса! Ну как мне ей объяснить? Шэва так давно живет вдали от мира людей и не сможет понять. Интересно, она вообще знает, что такое любовь? Иногда она дразнит меня за то, что я говорю во сне, или рассказывает странные сказки... Она ведь знает, как я беспокоюсь о Лайе! Хочется верить, что она меня понимает, но...

— Мама Рила пожертвовала своей жизнью ради меня! Чудо, что она осталась жива, — пытаюсь объяснить я. — Не заставляй меня встречать здесь ее призрак. Ее и Лайи.

— Любовь к ним делает тебя слабым, — говорит Шэва. — В конце концов они все равно умрут. Необходимо выдержать это испытание. Всякий раз, когда ты прощаешься с частичкой прошлой жизни, угасает искра твоей души. Ты будто умираешь.

— Думаешь, я этого не знаю? — каждый миг, который нам с Лайей удается украсть у времени, живое тому подтверждение. Эти торопливые короткие поцелуи, от которых отрывает нас Маут... Бездна разверзается между нами всякий раз, когда мой обет начинает слабеть. Каждая встреча отдаляет нас друг от друга. Я будто смотрю на любимую сквозь толстое мутное стекло.

— Глупый мальчик, — голос Шэвы полон сочувствия, взгляд черных глаз устремлен вдаль. Я чувствую, что сила заклęcia слабеет. — Я найду призрака и сама его провожу. Ступай. И не рискуй собой понапрасну. Взрослого джинна практически невозможно убить, разве что противником будет другой джинн. Когда ты соединишься с Маутом, то станешь неуязвимым. Время будет не властно над тобой. Но до этого момента будь осторожен. Если ты снова умрешь, я не смогу воскресить тебя еще раз. Знаешь, — она пинает камешек носком ноги, — я успела к тебе привязаться.

— Я не умру, — я легко касаюсь плеча Шэвы. — Обещаю в следующем месяце наверстать упущенное.

Она недоверчиво фыркает, но заклятие отпускает меня. Я снова свободен и могу перемещаться с ветром меж деревьев. Я лечу так быстро, что едва замечаю, как ветви хлещут меня по лицу. Уже через полчаса виден наш с Шэвой дом. Пересекаю границу Земель Ожидания, и вот она — Империя! В тот миг, когда я покидаю Лес, ветер со всей силы ударяет в лицо, будто пытаюсь остановить меня. Магия слабеет.

В глубине души затаилась неведомая сила, которая пытается заставить меня повернуть обратно. Она тянет назад, словно брошенное кем-то лассо. Это Маут хочет вернуть меня на место. Его притяжение вызывает боль, однако я сжимаю зубы и продолжаю свой путь. «Это твой выбор. Конечно, можно покориться Мауту. Но можно победить и торжествовать!» Так учила нас Керис Витурия. Этот урок я усвоил хорошо и никогда не забуду ее слова.

Полночь уже давно миновала, когда я прибыл к окрестностям деревни. Здесь мы должны были встретиться с Лайей. Через снеговые тучи проглядывал тусклый свет луны.

«Хоть бы набег удался! Лишь бы с Мамой все было в порядке!»

Но что-то пошло не так. Я понял это, как только увидел деревню. Караван был пуст, распахнутые двери фургонов скрипели на ледяном ветру. Тонкий слой снега уже успел покрыть холодеющие тела охранников. Среди погибших я не увидел ни одной Маски и ни одного кочевника. В деревне царило безмолвие. Ни суеты, ни оживленных голосов...

«Это ловушка!»

Инстинкт не подвел меня. Я осознал это, и картина происшедшего возникла перед глазами так же отчетливо, как лицо собственной матери. Неужели это работа Керис? Как она могла разузнать о набеге Лайи?

Я покрываю голову капюшоном, плотнее заматываю шарф и, присев на корточки, изучаю следы на снегу.

Они едва заметны, затерты и почти заметены снегом. Но мне все же удастся различить след знакомого башмака — здесь проходила Лайя!

Это не чья-то оплошность. Кто-то хотел дать мне знать, что Лайя пошла в деревню и не вернулась оттуда. Это означает, что ловушка не для нее. Обмануть хотели меня.

4: Кровавый Сорокопут

— **Ч**ерт тебя дери! — Я держу Лайю из Серры железной хваткой, но она отчаянно сопротивляется. Лайя не сбросила своей невидимости, и мне кажется, что я пытаюсь удержать извивающуюся мокрую рыбу. Я проклинаю себя за то, что не вырубил ее сразу, как только схватила.

Она умудряется дать мне болезненный пинок в лодыжку, а потом ударить локтем под дых. Моя хватка слабеет, и Лайя вырывается. Я бросаюсь на звук шагов и стискиваю ей ребра с такой силой, что из легких девушки с шумом вырывается воздух. С удовлетворением и злорадством я слушаю эти хрипы. Наконец Лайя начинает терять невидимость, она появляется лишь на мгновение, но я успеваю заломить ей руки за спину и скрутить ту же, чем ярмарочную козу. Тяжело дыша, толкаю ее на стул и привязываю к нему.

Лайя с беспокойством смотрит на другую пленницу и яростно рычит сквозь кляп. В этой же комнате находится Мама Рила, связанная и, кажется, без сознания. Лайя дергается и пинается, как ослица. Ей даже удается пнуть меня ногой в колено. Я невольно кривлюсь от боли, но сдерживаюсь: «Главное — не прикончи ее в гневе, Сорокопут!»

Я невольно восхищаюсь тем, сколько в ней жизни. Лайя сильна и умеет постоять за себя. Когда-то я исцелила ее и сейчас должна сожалеть о том, что сделала. Однако та магия, которую я использовала, чтобы спасти Лайю, слишком сильно связала нас. Это произошло против моей воли. Однако жизненная сила этой девушки радует меня, как радовала бы уверенность в том, что сестренка Ливия здорова.

«Она не выздоровеет, если наш план не сработает!» Страх пронзает меня, как копьё, и за ним в памяти вспыхивает яркая картина. Тронный зал, император Мар-

кус... Мои мать, отец и сестра Ханна лежат с перерезанным горлом... Это случилось по моей вине!

Я не хочу потерять еще и Ливию! Ради сестры я обязана выполнять приказы Маркуса. И сейчас необходимо выполнить его задание — сместить с должности коменданта Керис Витурию. Если вернусь в Антиум без сведений, которые можно использовать против нее, Маркус выместит свой гнев на императрице, моей сестре. Так бывало и раньше...

Комендант кажется неуязвимой. Во всяком случае, пока... Все низшие классы, плебеи и торговцы поддерживают ее, потому что она подавила восстание книжников. Самые влиятельные семейства Империи и патриции боятся ее так же, как и клана Витурия. Она слишком осторожна, чтобы подпустить к себе наемного убийцу. Тот, кто осмелится бросить вызов, будет иметь дело с ее союзниками. Они поднимут бунт.

Для начала необходимо подорвать ее авторитет. Все кланы должны увидеть, что она — всего лишь человек.

Для этого мне нужен Элиас Витуриус, ее сын. Если верить слухам, он мертв. Сама Керис заявила об этом так, чтобы услышали все. На самом деле, как мне достоверно известно, он жив. Элиаса можно представить народу как доказательство промаха Керис. Это поможет убедить ее союзников, склонить их на свою сторону. Комендант не так сильна, как им кажется.

— Чем больше ты сопротивляешься, — говорю я Лайе, — тем сильнее затягиваются веревки. — Она кривится от боли, и что-то внутри меня неприятно сжимается. Неужели я чувствую это потому, что исцелила ее?

Слова Князя Тьмы эхом всплывают в памяти. «Эта исцеляющая сила способна уничтожить тебя. Будь осторожна!» Не об этом ли он тогда говорил? Неужели я связана нерушимыми узами с теми, кому помогла?

Но сейчас некогда об этом размышлять. Капитан Авитас Харпер и капитан Декс Атриус входят в рекви-

зированный нами дом. Харпер коротко кивает мне, но Декс не видит никого, кроме Мамы. Он смотрит на нее, до боли сжав зубы.

— Декс, время пришло, — говорю я.

Он не отводит взгляда от Мамы. Ничего удивительного. Несколько месяцев назад, когда мы охотились на Элиаса, Декс лично допрашивал Маму и других членов племени Саиф. Он сделал это по моему приказу, и чувство вины все еще терзает его.

— Атриус! — я резко одергиваю его. — Марш на позицию.

Страхнув оцепенение, Декс исчезает. Харпер терпеливо ждет приказа, не обращая внимания на заглушенные кляпом ругательства Лайи и тихие стоны Мамы.

— Разумной обстановку, — приказываю я. — Убедись, что никто из селян не вздумал вернуться.

Не для того я готовила эту засаду несколько недель, чтобы теперь ее случайно раскрыл какой-нибудь любопытный плебей!

Лайя из Серры провожает Харпера взглядом. Тем временем я вынимаю кинжал и начинаю чистить ногти. Грязная одежда девчонки тесно облегает ее, подчеркивая изящные изгибы красивого тела. Это зрелище раздражает меня, заставляет чувствовать себя костлявой и угловатой. Я отобрала у нее вещевой мешок и старый кинжал. Это кинжал Элиаса! Боль узнавания кольнула меня в самое сердце. Он получил его от Квина, своего деда, на шестнадцатый день рожденья.

А потом, значит, Элиас подарил его Лайе.

Она гневно шипит сквозь кляп, переводя взгляд с меня на Маму и обратно. Ее непокорность напоминает мне о Ханне. Я ловлю себя на мысли, что, может быть, в другой жизни мы с книжницей могли бы быть подругами.

— Если пообещаешь не орать, я выну кляп, — говорю я ей.

Немного подумав, Лайя кивает головой. Я вынимаю кляп, и в тот же миг она начинает орать на меня.

— Что ты с ней сделала? — она бьется на своем стуле так яростно и отчаянно, что веревки глубоко врезаются в тело. Всеми силами Лайя рвется в сторону Мамы Рилы. — Ее срочно нужно лечить! Каким нужно быть чудовищем, чтобы...

Я отвешиваю девчонке звонкую пощечину. Ее звук разносится по всему дому и кажется слишком громким в окружающей нас тишине. Меня сгибает пополам от резкого приступа тошноты. Небеса, что со мной творится? Я хватаюсь за столешницу, чтобы удержаться на ногах и не упасть. Усилием воли поспешно выпрямляюсь, пока Лайя не заметила моей слабости.

Она вздергивает голову, от удара из носа начинает струиться кровь. Золотистые, похожие на кошачьи глаза полны изумления, смешанного со страхом. *Наконец-то она испугалась. Вовремя.*

— Следи за языком, — я стараюсь говорить бесстрастно и холодно. — Или кляп снова окажется у тебя во рту.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ничего. Мне нужны твои сообщники.

Глаза Лайи сужаются: она наконец замечает прикованные к стоящему в углу стулу наручники.

— Я действую в одиночку, — говорит она. — Можешь делать со мной что хочешь.

— Ты всего лишь комарик, — я отмахиваюсь и едва сдерживаю улыбку. Видно, что мои слова задели ее за живое. — Ну, может быть, слепень. Не смей говорить мне, что я могу делать и чего не могу. Империя все еще не прихлопнула тебя потому, что я им не позволила. Это единственная причина, по которой ты до сих пор жива.

Я, конечно, лгу. За два месяца Лайя совершила шесть набегов на караваны, освободила несколько сотен узни-

ков. И одним небесам ведомо, что еще она успела бы натворить, не получи я то письмо.

Оно пришло два месяца назад. Тот, кто его доставил, сумел ускользнуть от целого гарнизона Масок и остаться незамеченным. Человек это был или существо, никто не видел. Почерк был мне не знаком.

Письмо гласило:

«О НАБЕГАХ.
ЭТО ДЕЛАЕТ ТА САМАЯ ДЕВЧОНКА».

Я старалась не говорить об этих вторжениях. У нас и так были трудности с кочевниками, которые то и дело нападали на легионы меченосцев, дислоцированные в пустыне. На западе карконские варвары победили кланы дикарей и теперь подбираются к нашим форпостам возле Тиборума. А карконский волшебник Гримарр призвал на помощь свои кланы. Теперь они рыщут на юге, нападая на наши портовые города.

Маркус совсем недавно смог добиться верности от патрицианских кланов. Если они узнают, что какая-то книжница из повстанцев устраивает набеги на окрестности столицы и сеет там смуту, то начнут роптать. А если им станет известно, что это та самая девушка, которую Маркус якобы убил во время Четвертого Испытания, то в воздухе запахнет кровью.

Вмешательство патрициев мне сейчас совсем не нужно. Решается судьба Ливии, а она полностью зависит от Маркуса.

Когда я получила письмо о набегах, вычислить Лайю было довольно просто. Нужно было всего лишь сопоставить рапорты о событиях в тюрьме Кауф с докладами об этих нападениях. «Девушка, которая способна исчезать и появляться... Книжница, восставшая из мертвых, мстит Империи и вершит правосудие...» Никакой это не призрак — просто какая-то девчонка, оказавшаяся на редкость способной ученицей.

Сейчас мы смотрели друг на друга глаза в глаза. Лайя из Серры — воплощение страсти... Все мысли и чувства написаны у нее на лице. Скорее всего, она даже не представляет себе, что такое долг.

— Если я — только комарик... — говорит она, — Почему же... — тут ее осеняет. — Значит, вы охотитесь не за мной! Но если вы используете меня как приманку...

— ...то приманка должна сработать. Я хорошо знаю свое дело, Лайя из Серры. Он будет здесь не более чем через четверть часа. А если нет, то... — кончиком кинжала я аккуратно вычищаю грязь из-под ногтя. Лайя бледнеет.

— Но он же умер! — Она старается солгать так, будто сама в это верит. — Умер в тюрьме Кауф. Он не может прийти.

— О, не сомневаюсь, он скоро придет! — Небеса, я ненавижу себя за эти слова. Потому что, как всегда, Элиас придет за ней. И никогда он не сделает этого для меня...

Я стараюсь избавиться от подобных мыслей. «Не позволяй себе этой слабости, Сорокопут!» Зажав в руке нож, я опускаюсь на колени рядом с книжницей. Острые медленно скользит по литере К, которую вырезала на ее груди Комендант. Шрам кажется застарелым, будто давно зажил. На сияющей коже Лайи он не более чем царапина. Эта отметина будто придает всему ее облику мужественности. Передо мной стойкая женщина, которая много страдала и отважно сопротивлялась. И за это я тоже ее ненавижу.

Но скоро все закончится. Я никогда не отпущу Лайю из Серры на свободу! Когда император Маркус увидит ее отрубленную голову, то станет милостив ко мне. А это, в свою очередь, продлит дни моей сестрички.

Я вспоминаю Кухарку, Лайя очень интересовала ее... Бывшая рабыня Коменданта разгневается, если узнает, что девчонка мертва. Но эта старуха не показывалась

уже несколько месяцев. Кто знает, может, она сама давно умерла.

В моих глазах Лайя читает свой приговор, и ее лицо становится пепельно-серым. Отшатнувшись, она в ужасе замирает. На меня опять накатывает тошнота, перед глазами вспыхивает белый свет. Я нависаю над ней, опираясь на подлокотник стула и нацелив в грудь смертоносный кончик кинжала...

— Довольно, Элен!

Резкий звук его голоса будто бьет меня, как бич Комendanта. Он вошел через заднюю дверь, как я и полагала. «Элен»... Конечно, он всегда называет меня по имени.

Я думаю о своем отце. «Ты сможешь сдержаться тьму», — сказал он тогда. Я думаю о Ливии, скрывающей под слоем пудры синяки на шее, чтобы придворные не видели ее слабой и обиженной. И разворачиваюсь к Элиасу:

— Элиас Витуриус.

Кровь холодеет у меня в жилах, когда я вижу его. Мне казалось, это я устроила на него засаду... Элиасу удается меня поразить. Он пришел не один, а умудрился взять Декса в заложники, скрутил ему руки и держит у горла кинжал. Лицо Декса под маской застыло в гримасе бессильного гнева. *Декс, ты кретин.* Я с отвращением смотрю на него. Хотелось бы знать, он хоть пытался защищаться?

— Можешь убить Декса, если хочешь, — говорю я. — Если он настолько глуп, чтобы попасться в заложники, мне он не нужен.

Свет факела отражается в глазах Элиаса. Он смотрит на изломанное, страдающее тело Мамы Рилы и прищуривается. Волна ярости захлестывает его. У меня мгновенно пересыхает в горле — его гневный взгляд пронзает насквозь. По лицу Элиаса пробегают тени, сотни мыслей и эмоций написаны на нем. Его тело будто каменеет, плечи напряжены, руки крепко держат оружие.

Язык его тела я знаю с шести лет. «Держись, Сорокопут! Не поддавайся».

— Декс — твой союзник, — говорит он. — Я слышал, у тебя их сейчас немного. Думаю, если я его убью, тебе будет его не хватать. Освободи Лайю!

Это напоминание о Третьем Испытании, о смерти Деметриуса и Линдера. Они погибли от его руки. Элиас изменился, я вижу в нем некую тьму, которой раньше не было.

«И ты, и я — мы оба изменились, старый друг».

Я сдергиваю Лайю со стула и прижимаю к стене, приставив кинжал к ее горлу. На этот раз я готова к волне тошноты и могу ее преодолеть, стиснув зубы и ничем себя не выдав.

— Разница между нами, Витуриус, — говорю я, — в том, что мне плевать на смерть своих «союзников». Поэтому просто бросай оружие. Видишь в углу пару наручников? Заткнись, сядь и защелкни их на себе. Если сделаешь, как я сказала, Мама останется жива. Я обещаю не преследовать твою банду преступников, угоняющих караваны с узниками. Откажешься — найду их всех и, в конце концов, убью своими руками.

— Я... я думала, вы благородный человек, — еле слышно шепчет Лайя. — Нехороший, но... благородный. А вы... — Ее взгляд скользит от лезвия моего кинжала к лежащей на полу Маме. — Нет, вы не благородный!

«Ты дура!»

Элиас колеблется, и мой кинжал пронзает кожу девочки.

В этот момент открывается дверь. Входит Харпер с обнаженным кинжалом, впуская за собой волну холода. Элиас не обращает на него внимания, его взгляд сосредоточился на мне.

— Отпусти Лайю, — говорит он. — И тогда мы, считай, договорились.

— Элиас, — выдыхает Лайя. — Нет! Не делай этого. Земли Ожида...

Я прерываю ее, и она тут же умолкает. Нет времени на эти шуточки! Чем дольше я колеблюсь, тем больше вероятности, что Элиас придумает способ убраться отсюда невредимым. Он догадался, что Лайя вошла в деревню, и ему удалось перехватить Декса. Это можно было предвидеть! «Сорокопут, ты идиотка. Ты его недооценила».

Лайя пытается заговорить, но мой кинжал только глубже вонзается ей в горло. Из-под лезвия начинает течь кровь. Дыхание книжницы становится прерывистым, она трепещет в моих руках. Я чувствую, как кровь погибших родителей, текущая в моих жилах, кипит от ярости. Голова пульсирует болью, и это немного отрезвляет меня.

— Я знаю ее песню, Витуриус, — говорю я. Декс и Авитас не понимают, что стоит за этими словами. Но Элиас понял. — Мы можем остаться с ней тут всю ночь и весь следующий день. Столько, сколько потребуется. Я могу причинить ей очень много боли.

И исцелить ее! Это лишь мои мысли, но он чувствует, что я хотела бы высказать их вслух. *А потом причинять ей боль еще, и еще... Пока ты не сойдешь с ума!*

— Элен, — гнев Элиаса утихает. В его глазах теперь удивление и... разочарование? Да по какому праву он так на меня смотрит? — Элен, ты ведь не можешь нас убить.

Его голос звучит не слишком уверенно. Я в ярости. *Мы же были так близки! Ты так хорошо знал меня! Но сейчас все изменилось. Я и сама себя теперь не знаю...*

— Есть кое-что похуже, чем смерть, — отвечаю я. — Может, испытаем это вместе?

Элиас вскипает. *Теперь осторожнее, Кровавый Сорокопут!* Внутри Элиаса Витуриуса до сих пор живет Мaska — кем бы он сейчас ни стал. Я могу подтолкнуть

его принять верное решение. Заставить его сделать выбор не в моих силах.

— Я готова освободить Маму, — можно предложить морковку, прежде чем использовать кнут. — Авитас может отвести ее туда, где сейчас ваши друзья-кочевники. Они подберут ее.

Только когда Элиас бросает холодный взгляд на Харпера, я понимаю — он не знает, что Авитас его сводный брат. Я прикидываю, можно ли использовать это против Элиаса, но решаю пока придержать язык. В конце концов, это секрет Харпера, а не мой. Я киваю Авитасу, и он выносит Маму из хижины.

— Отпусти и Лайю тоже, — настаивает Элиас. — Тогда я сделаю все, что попросишь.

— Нет, она отправится с нами, — возражаю я. — Я знаю все твои трюки, Витуриус. Со мной они не работают. Если хочешь, чтобы она жила, слушай меня. Брось оружие, надень и защелкни наручники. Повторять я не буду.

Элиас перерезает пути Декса и, дав ему пинка, отбрасывает в сторону. Декс падает на колени и даже не пытается ударить в ответ. *Глупец!*

— Это тебе за то, что допрашивал мою семью, — сообщает ему Элиас. — Ты думал, я об этом не знаю?

— Приготовь лошадей, — рывкаю я на Декса. Собравшись с силами, тот поднимается на ноги. Он даже не ранен. После ухода Декса гнев Элиаса прорывается наружу.

— Отпусти Лайю! — рычит он. — Ты не смеешь мне угрожать. И держись от меня подальше, Кровавый Сокопут.

Он больше не зовет меня по имени, и это причиняет мне боль. Но, в конце концов, я ведь больше не Элен Аквилла.

Когда мы с Элиасом виделись в последний раз, я все еще была Элен. И несколько минут назад, когда он снова увидел меня после долгой разлуки, то назвал мое имя.

Я отпускаю Лайю, и она жадно, с шумом втягивает воздух. На ее щеки медленно возвращаются краски жизни. Моя рука вся мокрая от крови, вытекшей из пореза на ее шее. Подумаешь, царапина. Даже сравнивать нельзя с теми потоками, которые струились из горла моего отца, матери, сестры... Их раны были смертельны...

«Ты — та, что сдержит тьму».

Я вновь повторяю про себя эти слова. Напоминание о том, зачем я здесь и что должна сделать. Во мне осталось не так много человеческих чувств, но сейчас душа пылает, как огонь.

5: Лайя

— Проверь, как там Витуриус, — приказывает Кровавый Сорокопут Авитасу Харперу, когда тот возвращается без Мамы Рилы. — Нужно удостовериться, что наручники достаточно крепкие.

Сорокопут тащит меня к дверям, стараясь держаться от Элиаса как можно дальше. Присутствие нас троих в одном помещении, кажется, раскаляет воздух. Но это ощущение — ничто по сравнению с болью, когда кинжал Сорокопута глубоко вонзается в мою плоть.

Нужно выбираться отсюда любой ценой. Сорокопут, кажется, намерена выполнить свое обещание. Ей доставляет удовольствие мучить меня. Дарин и Афия, наверное, сходят с ума от волнения.

У задней двери появляется Декс.

— Лошади пропали, Сорокопут!

Она в ярости разворачивается к Элиасу, который только пожимает плечами.

— Ты же не думала, что я оставлю их у коновязи?

— Ступай и найди нам других лошадей! — рывкает Сорокопут на Декса. — И не забудь призрачный фургон! Харпер, долго ты еще будешь копать? Тебе нужно просто проверить, в порядке ли эти чертовы цепи!

Я напрягаю мышцы, чтобы проверить свои путы на прочность. Сорокопут замечает это и еще более заламывает мне руки.

Элиас совершенно спокойно сидит, прикованный к стулу. Его взгляд устремлен на своего бывшего лучшего друга. Беззаботное выражение лица, расслабленное тело... Но меня не обманешь. С каждой минутой темная золотистая кожа Элиаса бледнеет, он выглядит уставшим, больным. Земли Ожидания притягивают его к себе, и сила этого притяжения растет. Я уже такое видела. Если он останется в мире живых надолго, это причинит ему боль. Элиас будет сильно страдать.

— Ты хочешь меня использовать, чтобы добраться до моей матери, — говорит Элиас. — Она раскусит твой план за тысячу миль.

— Не вынуждай меня применить кляп, — щеки Сорокопута вспыхивают под маской. — Харпер, отправляйся вместе с Дексом. Фургон нужен мне как можно скорее.

— Как думаешь, чем сейчас занята Керис Витурия? — спрашивает Элиас, едва Харпер выходит за дверь.

— Ты же не живешь больше в нашей проклятой Империи, так что заткнись, — огрызается Сорокопут, уже сточая хватку.

— Не обязательно жить в Империи, чтобы предвидеть ход мыслей Коменданта. Ты же хочешь ее смерти, верно? Она наверняка об этом знает. А если тебе это удастся, то вспыхнет гражданская война. Керис понимает это и не позволит развязать войну с ее союзниками. Так что, пока ты тут теряешь время, охотясь за мной, она наверняка вернулась в столицу и укрепляет свои позиции.

Кровавый Сорокопут хмурит брови. Всю свою жизнь она слушала советы Элиаса и сама помогала ему в случае нужды. *А что, если он прав?* — я будто слышу ее мысли. Элиас встречается со мной взглядом — он также, как и я, думает о побеге.

— Найди моего деда, — говорит Элиас. — Если хочешь низложить ее, тебе нужно знать, о чем она думает. Понимать ход ее мыслей. А Квин знает Керис лучше, чем кто-либо другой.

— Квин оставил Империю, — отвечает Сорокопут.

— Ну уж нет. Мой дед оставит Империю не раньше, чем у кошек вырастут крылья. Где бы ни была Керис, он всегда рядом. Следит за ней, ждет удобного случая. Стоит ей допустить малейшую ошибку, он поймает ее. Конечно, Квин не настолько глуп, чтобы оставаться в одном из своих имений. И у него достаточно верных людей...

— Это не имеет значения, — отмахивается Кровавый Сорокопут. — Керис и это существо, которое она держит подле себя..

Все внутри меня сжимается от страха. *Князь Тьмы!*
Она имеет в виду Князя Тьмы.

— Они вместе замышляют что-то, — продолжает Сорокопут. — Мне нужно разрушить их планы раньше, чем они разрушат Империю. Я много недель искала Квина Витуриуса. Больше у меня нет на это времени.

Элиас на своем стуле слегка подается вперед — он готовится нанести удар. Хватка Сорокопута слегка ослабла, и мне удастся соединить ладони. Я натягиваю веревки изо всех сил, изгибаю руки, чтобы незаметно освободить их. Запястья мокры от пота — он должен послужить смазкой, чтобы выскользнуть из веревок. Но пока мне это не удастся.

— Ты хочешь ее уничтожить, — наручники Элиаса звякают. Что-то маленькое блестит в его пальцах. Отмычки? Как он умудрился утаить их от Авитаса? — Просто помни, что Керис готова к тому, к чему не готова ты. Она сыграет на твоих слабостях. В этом ей нет равных.

Элиас слегка двигает рукой, и Сорокопут резко поворачивает к нему голову. Глаза ее сужаются. В этот момент входит Харпер.

— Фургон готов, Сорокопут, — отчитывается он.

— Бери ее, — она толкает меня в руки Авитаса. — Держи кинжал у ее горла. — Харпер притягивает меня к себе, и я отшатываюсь от острого лезвия ножа. Если бы хоть на миг удалось отвлечь Сорокопута и Авитаса, Элиас успел бы атаковать..

Я использую прием, которому меня научил Элиас во время наших совместных странствий. Пинаю Авитаса в уязвимое место, в щиколотку, после чего падаю и всем весом тяну его вниз.

Авитас выругался, Сорокопут развернулась — и в этот миг на нее бросился Элиас. Он успел освободиться от наручников. В мгновение ока одним длин-

ным прыжком он добирается до своего кинжала. Лезвие разрезает воздух у меня над головой, но Харпер уклоняется от него и увлекает меня за собой. Кровавый Сорокопут рычит от ярости. Элиас сбивает ее с ног, пользуясь своим превосходством в весе. Он прижимает ее к земле и приставляет клинок к горлу. У ее запястья тоже блестит кинжал. Небеса, она сейчас ударит Элиаса!

— Элиас! — Я кричу, желая предупредить его, но он будто каменеет. Кинжал падает на пол, и через мгновение из-под Элиаса выползает Сорокопут, оскалившись в усмешке.

— Лайя, — в глазах Элиаса застыла бессильная ярость. И тут в комнате резко темнеет. Я вижу только взмах летящих черных волос, темное лицо. И бездонные черные глаза, в которых можно утонуть. Это Шэва!

В следующий миг она исчезает вместе с Элиасом. Земля под нами содрогается, за стенами ревет ветер. Его вой напоминает стоны множества призраков.

Кровавый Сорокопут тщетно бросается на место, где только что лежал Элиас. Но его больше тут нет — и через мгновение она накидывается на меня. Ее рука хватается меня за горло, клинок пронзает кожу напротив сердца.

— Кто, ад ее побери, — выдыхает она мне в лицо, — была эта женщина?

Тут распаивается дверь, и на пороге появляется Декс, запорошенный снегом. Не дав ему сказать ни слова, Сорокопут начинает орать:

— Обыскать деревню! Витуриус только что выскользнул у меня из рук, как проклятый рэйф!

— Его нет в деревне, — говорю я. — Она забрала его.

— Кто его забрал? КТО она? — Я не могу говорить — нож слишком близко — но Сорокопут не позволяет мне сделать ни единого движения, чтобы отстраниться. — Говори!

— Чуть отстрани кинжал, — говорит Авитас. Темноволосый Маска окидывает взглядом комнату, как будто Элиас может появиться снова. — Дай ей вздохнуть — тогда она заговорит.

Кровавый Сорокопут чуть отстраняет кинжал — не более, чем на волосок. Лицо ее под маской пылает.

— Говори, или ты умрешь!

Намеренно запинаясь и путаясь в словах, я пытаюсь объяснить, кто такая Шэва и кем теперь стал Элиас. Я понимаю, как невразумительно это звучит. Кровавый Сорокопут молча слушает, всем своим видом выражая недоверие.

Рассказ завершен, она поднимается с кинжалом в руке и вглядывается в ночь. До рассвета остается несколько часов.

— Ты можешь вернуть сюда Элиаса? — тихо спрашивает она.

Я качаю головой, и она приседает рядом со мной. Лицо ее кажется торжественным, а тело совершенно расслабленным. Взгляд Сорокопута отстраненный, в своих мыслях она где-то очень далеко.

— Если Император узнает, что ты жива, он захочет лично допросить тебя, — говорит она. — И если ты не дура, то понимаешь, что лучше смерть, чем его допрос. Я могу сделать это быстро.

О небеса! Мои ноги свободны, но руки связаны. Если как следует рвануть, может, удастся освободить левую руку...

Авитас убирает клинок в ножны и склоняется надо мной. Он прикасается к запястьям, чтобы потуже затянуть веревки.

Но веревки не затягиваются.

К моему удивлению, руки теперь свободны! Харпер выдыхает мне в затылок единственное слово — так тихо, что мне не верится, слышала ли я его.

— Беги.

Трудно даже пошевелиться. Кровавый Сорокопут смотрит мне в глаза. Что ж, в это мгновение я могу

взглянуть в глаза смерти. Ее серебряное лицо искажено гримасой скорби. Сорокопут сейчас выглядит много старше своих двадцати лет, и непреклонной, как стальной клинок. В ней нет ни тени слабости. Она видела слишком много крови, пережила смерть близких.

Я вспоминаю рассказ Элиаса о том, как Маркус поступил с семьей Сорокопута. Элиас узнал это от призрака Ханны Аквиллы. Ее душа несколько месяцев преследовала его своими жалобами в Землях Ожидания, пока наконец не была готова уйти.

Помню, с каким чувством слушала этот рассказ. Каждая новая подробность болью отзывалась в моей душе. Это случилось несколько лет назад, но то утро навсегда останется в памяти черным от горя... Ночью я проснулась, разбуженная приглушенными стонами, и подумала, что дедушка принес домой какое-то животное. Наверное, чтобы его вылечить. Животное ранено и теперь медленно умирает, корчась в агонии.

Но когда я выбежала в гостиную, то увидела бабушку, которая стонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Дедушка пытался успокоить ее. Он не хотел, чтобы кто-нибудь услышал, как она плачет по своей дочери. По моей матери! Никто не должен был об этом знать. Иначе Империя явилась бы за членами семьи Львицы. Убили бы всех, кто был ей дорог. Всех нас.

Наутро мы все, как обычно, отправились на рынок продавать бабушкино варенье: она, дедушка и мы с Дарином. Глаза бабушки были совершенно сухи, она не пролила ни слезинки. Только глухой ночью я снова услышала ее сдавленные стоны, которые звучали для меня страшнее самого дикого крика.

Кровавому Сорокопуту тоже было отказано в привилегии скорбеть публично. Как она это выдержала? Она, правая рука Императора, не сумела выполнить его приказ и этим погубила свою семью.

— Я сожалею, — шепчу я, когда она поднимает кинжал. И выбрасываю вперед руку — но не для того, чтобы защититься от клинка. Я беру ее за свободную руку.

Сорокопут замирает, потрясенная. Кожа на ее ладони холодна и покрыта мозолями. Проходит несколько секунд, прежде чем ее изумление переходит в гнев.

Самая большая жестокость рождается из глубочайшей скорби. Так обычно говорила бабушка. *Не молчи, Лайя!*

— Моих родителей тоже убили, — говорю я ей. — И мою сестру. В Кауфе. Я была еще юной и не видела этого своими глазами. Мне никогда не позволяли скорбеть по ним открыто. Никто в семье не говорил об этом вслух. Каждый день я думаю о них и очень сожалею о твоей потере. Правда.

На миг я вижу в Сорокопуге девушку, которая исцелила меня. Девушку, которая позволила мне и Элиасу бежать из Блэклифа и научила, как выбраться из тюрьмы Кауф.

И пока эта девушка не исчезла — а она непременно вот-вот исчезнет — я пользуюсь способностью становиться невидимой и исчезаю сама. Пробегаю мимо Авитаса и выскакиваю за дверь. Всего в нескольких шагах за моей спиной кричит Сорокопут. Я слышу в воздухе свист пущенного вслед ножа, а затем и кинжала.

Но слишком поздно. Кинжал не попадает в цель. Я успеваю выскочить за дверь — мимо ничего не подозревающего Декса — и бегу со всех ног, оставляя для встречных лишь тенью в ночи.

6: Элиас

Шэва утягивает меня в темноту — настолько абсолютную, что кажется, я попал в одну из преисподних. Она где-то рядом, но остается невидимой. Мы не идем по ветрам — ощущение такое, будто движения вообще нет. Тело ее звенит магией, как натянутая струна. Потом магия передается и мне, кожа начинает гореть и, наконец, возвращается зрение.

Постепенно в глазах проясняется, и я вижу, что парю над океаном. Небеса подо мной — грозовые, полные набухшими желтоватыми тучами. Я чувствую, что Шэва все еще рядом, но не могу оторвать взгляда от толщи воды далеко внизу. У самой поверхности плавают какие-то огромные существа. Я чувствую в них зло и желание убивать. Ужас наполняет меня — ужас, подобного которому я еще не испытывал в своей жизни, даже в черные годы детства в Блэклифе.

Потом страх отпускает меня — остается только ощущение направленного на меня взгляда. Взгляда кого-то очень древнего. В сознании звучит голос:

Ночь приближается, Элиас Витуриус! Будь готов.

Голос говорит очень тихо, мне приходится напрягать слух, чтобы его слышать. Но, пока я пытаюсь разобрать слова, океан уже исчезает, тьма возвращается, а голос и образы угасают в моей памяти.

Узловатые ветви деревьев надо мной. Мягкая пуховая подушка под головой. Я сразу понимаю, где я: у себя дома, в хижине Шэвы. В очаге потрескивают дрова, вкусно пахнет рагу с острым карри. Я позволяю себе просто лежать в постели, полностью расслабившись. Так можно расслабиться только в самом безопасном, теплом месте — под собственным кровом.

Лайя! Когда я вспоминаю, что произошло, то немедленно вскакиваю. Движение слишком быстрое, и моя голова начинает пульсировать болью. *Ад поberi!*

Мне нужно срочно вернуться в деревню, к Лайе! Я заставляю себя подняться на ноги, нахожу клинки, которые лежат у меня под кроватью, и кое-как ковыляю к двери хижины. Снаружи свистит холодный ветер, поднимая снежные вихри по пояс высотой. Призраки при виде меня начинают стонать и метаться, их страдания я ощущаю физически.

— Здравствуй, младший, — одно привидение — женщина — приближается совсем близко. Оно такое бледное, что я едва могу разглядеть лицо. — Ты не видел мою любимую малышку?

Вспоминаю ее. Это Истаявшая, один из первых призраков, которых я встречал здесь. Пытаюсь ей ответить, но голос с трудом исходит из горла, будто оно заржавело.

— Я... нет, прости меня...

— Элиас, — передо мной на поляне появляется Шэва. Она держит корзину зимних трав. Истаявшая, и без того всегда застенчивая, тут же исчезает. — Тебе еще нельзя вставать и выходить из дома.

— Что со мной не так? — спрашиваю я Ловца Душ. — Что произошло?

— Ты был без сознания около суток, — Шэва нарочито не обращает внимания на мой резкий тон. — Я решила перенести нас сюда сама, без хождения по ветрам. Это опасно для смертных, зато быстрее.

— Но Лайя! И Мама...

— Молчи, Элиас, — Шэва присаживается у корней старого тиса и глубоко вздыхает. Дерево словно обволакивает ее корнями, повторяет изгибы тела, стараясь сделать себя еще удобнее для сидения. Она извлекает из корзины пригоршню трав и начинает рвать их, яростно отделяя листья от стеблей. — Ты едва не позволил себя убить. Тебе что, недостаточно?

— Тебе не следовало меня оттуда утаскивать! — волна гнева захлестывает меня. Шэва молчит, но я вижу, как растет ее ярость. — Я бы и сам справился. Сейчас мне нужно вернуться в деревню.

— Глупец! — она в ярости отбрасывает корзину. — У Кровавого Сорокопута в перчатке был кинжал. Она почти пронзила тебя — до сердца оставалось меньше дюйма! Маут пытался тянуть обратно, но ты его не слушал. Не подоспей я на помощь, сейчас пришлось бы ругать твой бледный призрак. — Улыбка Шэвы стала похожа на оскал. — Несмотря на свои предчувствия, я позволила тебе помочь друзьям. Посмотри, что с тобой стало.

— Ты же не думаешь, что я буду сидеть в Землях Ожидания и ни с кем не контактировать. Так я сойду с ума. — огрызаюсь я. — Я не могу забыть о людях. К тому же там Лайя, я должен заботиться о ней. Шэва, я не могу просто...

— Ах, Элиас, — она поднимается и берет меня за руки. Кожа уже успела онеметь от холода, но тепло ее рук не приносит мне радости. Она тяжело вздыхает, сердце гложет вина. — Думаешь, я никогда не любила? Я тоже когда-то испытала это чувство! Мой возлюбленный был прекрасен, совершенен. Любовь настолько ослепила меня, что я забыла о своих священных обязанностях. Из-за этого пострадал весь мир. И он до сих пор страдает...

Шэва часто дышит, стоны призраков вокруг нас становятся громче, будто отзываясь на ее горе.

— Я понимаю твою боль. Правда понимаю. Но для таких, как мы, Элиас, долг превыше всего: превыше желания, скорби, любви. Любви здесь не место. Ты выбрал Земли Ожидания, а Земли Ожидания выбрали тебя. Теперь ты должен полностью отдать себя им — и душой, и телом.

«Душой и телом»... Кровь моя холодеет, когда я вспоминаю слова, давным-давно сказанные мне Каином: «Однажды у тебя появится шанс обрести свободу, истинную свободу души и тела». Мог ли он предвидеть такой оборот событий? Направил бы меня на путь к этой свободе, зная, что однажды я потеряю ее? Неужели таков был мой удел с самого начала?

— Мне нужно совсем немного времени. Всего один день, — говорю я. — Если моя судьба — быть навеки прикованным к этому месту, я должен хотя бы попрощаться с Лайей и Мамой... хотя даже не представляю, что скажу им на прощание.

Шэва медлит с ответом.

— Я дам тебе несколько часов, — говорит она наконец. — После чего ты больше не будешь отвлекаться от своих обязанностей. Тебе еще многому предстоит научиться, Элиас. И я не знаю, сколько у меня осталось времени. Многому ли я еще успею обучить тебя? С того момента, как ты дал обет стать Ловцом Душ, мои силы начали иссякать.

— Знаю, — я с улыбкой слегка подталкиваю ее, стараясь сгладить возникшее между нами напряжение. — Ты мне об этом напоминаешь всякий раз, когда не хочешь мыть посуду. — Я пытаюсь передразнить ее суровый тон: — «Элиас, мои силы иссякают... Пойди-ка подмети лестницу, принеси хвороста, а потом...»

Она невесело усмехается.

— Если бы ты умел подме... подметать...

Ее улыбка угасает, в углах рта пролегают жесткие складки. Руки судорожно сжимаются и разжимаются, будто стремясь сомкнуться вокруг отсутствующего оружия.

Тихо идет снег, завиваясь поземкой. Ветер еле дует, будто усмиренный, а потом и вовсе стихает. Длинные тени деревьев становятся гуще. Они кажутся такими черными, словно это не тени, а порталы в иные миры.

— Шэва, что это? Что за безумие сейчас происходит?

Ловец Душ содрогается от страха.

— Быстро иди в дом, Элиас!

— Нет. Что бы это ни было, мы встретим это вмес...

Она сильно сжимает пальцами мое плечо.

— Ты многого еще не знаешь. Если ты сейчас погибнешь, мир падет. Это начало! Слушай меня внимательно: укройся в доме и ложись спать. Там они тебя не

достанут. Потом иди и найди своих кочевников, они долго были моими союзниками. Расспроси их, пусть расскажут тебе о сме...

Голос ее прерывается, спина выгибается дугой.

— О преисподняя! Шэва, что с то...

— *Луна нападет на лучника и на деву-щит*, — голос Шэвы меняется, звучит как целый хор. В нем множество оттенков: интонации ребенка, девушки, старухи... Они накладываются на ее собственный голос, будто все ипостаси Шэвы сейчас соединились в одно целое. — *Палач пробудился. Предатель на свободе. Берегись! Жнец приближается, пламя идет за ним. Он подожжет этот мир. Так великое зло обратится во благо.*

Она вскидывает руки к небу, к созвездиям, сокрытым за плотными снеговыми облаками.

— Шэва! — Я нетерпеливо трясую ее за плечи. Нужно скорее отвести ее в дом! Дома она всегда успокаивается. Это ее единственное святилище и укрытие в забытых богами краях. Но когда я пытаюсь подхватить ее на руки, она отталкивает меня. — Шэва, что с тобой? Не упрямясь...

— Запомни все, что я скажу, от начала до самого конца, — шепчет она. — Это цель его прихода. То, что ему от меня нужно. Поклянись!

— Я... я клянусь...

Она поднимает руки к моему лицу. На этот раз — впервые за все время нашего знакомства — они холодны, как лед.

— Вскоре ты узнаешь цену своей клятвы, брат мой. Надеюсь, ты не думаешь обо мне слишком плохо.

Она падает на колени, сбивая свою корзину с травami. Зеленые и желтые листья рассыпаются по земле — такие яркие на фоне мертвого пепельного снега. На поляне царит тишина. Даже призраки безмолвствуют.

Этого не может быть! Вокруг нашей хижины всегда толпятся призраки. Но теперь они исчезли! Все до одного.

В лесу на западе, где всего несколько мгновений назад тени были всего лишь тенями, начинает что-то сгущаться. Тьма движется, извиваясь, словно в агонии, и наконец приобретает форму фигуры в капюшоне и плаще цвета самой темной ночи. Из-под капюшона на меня смотрят два маленьких пылающих солнца.

Я никогда доселе не видел подобного существа. Только слышал о нем и хорошо запомнил его приметы. О преисподняя и все ее демоны! Я знаю его...

Это Князь Тьмы.

7: Кровавый Сорокопут

Когда мы с Дексом и Авитасом въезжаем в окованные железом главные ворота Антиума, нас приветствуют длинные ряды отрубленных голов. По большей части это книжники, но среди них я вижу и нескольких меченосцев. По сторонам улиц громоздятся кучи мусора. Над городом низко висят темные снеговые тучи.

Я быстро скачу мимо отвратительной выставки голов, желая миновать ее как можно скорее. Харпер следует за мной, но Декс застывает, сжимая поводья и вглядываясь в мертвые лица. Его молчание меня нервирует. Видно, допрос кочевников из племени Саиф по-прежнему терзает сердце, и совесть не дает ему покоя.

— Отправляйся в казармы, Декс, — говорю я. — Чтобы до полуночи у меня на столе были рапорты обо всех текущих заданиях. — Я на миг отвлекаюсь на двух женщин, которые прохаживаются возле ближайшего поста стражи. Проститутки. — А потом, если хочешь, отправляйся развлечься. Отвлекись от мыслей о нашем рейде.

— Я обычно не хожу по борделям, — тихо отзывается Декс, проследив за моим взглядом. — Даже если случается туда зайти, для меня это непросто, Сорокопут. И ты это знаешь.

Я бросаю на Авитаса Харпера тяжелый взгляд. «Отойди!» Когда он наконец отъезжает достаточно далеко, чтобы нас не слышать, я снова поворачиваюсь к Дексу.

— Бордель мадам Хиры на площади Мандиас, «Дом Забвения». Это место не найти, если о нем не знать. Никакие слухи не выходят за стены этого заведения. Хира отлично обучает своих девушек... и юношей. — Декс все молчит, и я начинаю терять терпение. — Ты собираешься дать чувству вины сожрать тебя с потрохами? Так, что ли?

Это уже стоило нам потерянной деревни. Целью нынешнего рейда было найти что-нибудь, что можно использовать против Керис. Нам это не удалось. Маркус

будет недоволен, и свое недовольство он выместит на моей сестре.

— Когда я подавлена и расстроена, — продолжаю я, — то иду в заведение Хиры. Это помогает. Так что сходи туда — или не ходи, если не хочешь, мне плевать. Но довольно принимать мрачный вид! Хватит быть настолько бесполезным. У меня уже нет терпения это выносить.

Декс наконец-то уезжает от нас, и Харпер снова приближается.

— Ты правда часто бываешь у Хиры? — В его голосе звучит удивление, но не только.

— Ты что, снова читаешь по губам?

— Только по твоим, Сорокопут, — взгляд зеленых глаз Харпера падает на мои губы — так стремительно, что я едва успеваю это заметить. — Прости, что спросил. Я просто подумал, что тебе незачем ходить по заведениям. Всегда найдутся желающие добровольно удовлетворить твои... нужды. Главный помощник предыдущего Сорокопута порой обеспечивал ему проституток, и если тебе нужно, я мог бы...

К щекам приливает кровь, когда я представляю себе подобный вид слуг.

— Заткнись, Харпер, — говорю я. — И следуй за мной.

Мы скачем по городу напрямик ко дворцу — к сверкающему белому зданию, за прекрасным фасадом которого скрывается насилие и жестокость. У внешних ворот в этот час дня собрались целые толпы — патриции и торговцы любыми путями пытаются попасть внутрь, на аудиенцию к Императору, чтобы выпросить у него ту или иную милость.

— Нападение на Маринн может стать началом очередного...

— Флот уже собирается...

— Витурия без труда сокрушит их...

Я сдерживаю вздох — махинациям Отцов кланов нет и не предвидится конца. Моему отцу, помнится, было

трудно с этим смириться. При виде меня патриции мигом умолкают. От этого я испытываю мрачное удовольствие.

Мы с Харпером проходим сквозь толпу, как нож сквозь масло. Мужчины в длинных, подбитых мехом плащах шарахаются в стороны от брызг грязи из-под копыт моего скакуна. Женщины, раздетые согласно придворному этикету, провожают нас подозрительными взглядами. Никто не решается встретиться со мной взглядом.

Свиньи. Ни один из них не написал ни строчки соболезнований после гибели моей семьи от рук Маркуса. Не было официальных писем, никто со мной даже словом не обмолвился об этом трагическом событии.

Мои отец, мать и сестра были казнены как предатели, прошлого не вернуть. Маркус хотел вызвать у меня жгучее чувство вины — но я не испытываю его. Отец отдал жизнь за спасение Империи, и однажды это станет известно всем. Но сейчас они ведут себя так, будто моей семьи никогда не было, а вся жизнь близких мне людей лишь мираж.

Единственным человеком, посмевающим заговорить со мной о погибших родителях, была Лайя — девчонка-книжница. В последний раз я видела ее несколько недель назад. Ее голова должна была болтаться сейчас в мешке у луки моего седла.

Я слышу гул голосов в тронном зале раньше, чем приближаюсь к его дверям. Все солдаты салютуют мне. Теперь им хорошо известно, что происходит с теми, кто этого не делает.

Маркус сидит на троне, сжав руками подлокотники и неестественно выпрямив спину. Его кроваво-красная мантия ниспадает широкими складками, посеребренные доспехи бросают отблески на великолепные одежды. У бедра Императора острый, как бритва, меч. На фоне этого великолепия отцы патрицианских кланов выглядят довольно скромно и безобидно.

Коменданта в зале нет. Но зато есть Ливия — она занимает меньший трон рядом с Маркусом. Лицо ее бесстрастно, как лицо Маски. Я не могу смириться с тем, что она должна занимать это место, однако чувствую облегчение: главное — моя сестра жива. Она великолепно выглядит в роскошном лавандовом платье с золотой вышивкой.

Сестра сидит на троне очень прямо. Лицо густо покрыто пудрой, чтобы скрыть синяк на щеке. Придворные дамы — желтоглазые кузины Маркуса — толпятся в нескольких футах от нее. Они плебейки, привезенные моей сестрой из деревни в знак уважения Маркусу и его семье. Я подозреваю, что при дворе они чувствуют себя более чем неудобно.

Внимание Маркуса сосредотачивается на мне. Он словно забывает про посла Мореходов, который стоит напротив него и очень волнуется. По мере моего приближения плечи Императора каменеют, он явно напряжен.

— Незачем меня предупреждать, черт тебя дери, — бормочет он. Посол изумленно поднимает брови, но я понимаю, что эти слова адресованы вовсе не ему. Маркус говорит сам с собой и неожиданно, к полному замешательству посла, резко привлекает его к себе.

— Скажи своему трусливому королю, что ему нечего бояться, — говорит Маркус. — Империи нет никакого дела до вашего народца. Если нужен знак нашего благоволения, пусть твой король пришлет мне список своих врагов, а я в подарок вышлю ему их головы.

Побледневший посол, отпрынув, смешивается с толпой. Маркус знаком велит мне приблизиться.

Я не приветствую Ливию. Пусть придворные думают, что мы с ней вовсе не близки. Достаточно того, что больше половины этих стервятников стараются использовать ее, чтобы подобраться ко мне.

— Мой Император, — я преклоняю колени и опускаю голову. Мне приходится делать это на протяжении

многих месяцев, но легче от этого не становится. За моей спиной на колени опускается Харпер.

— Очистить зал! — рычит Маркус придворным. Но патриции, по его мнению, уходят недостаточно быстро, поэтому он подкрепляет приказ броском кинжала в ближайшего из них.

Стража выпихивает патрициев в двери, подталкивает в спины — большинство из них не способно передвигаться с большой скоростью. Маркуса забавляет это зрелище. Он смеется, и его жестокий смех еще больше нагнетает напряжение в зале.

Ливия поднимается и изящным движением подбирает край платья. «Скорее, сестра, — лихорадочно думаю я, — уходи отсюда». Но не успела она сделать и шага вниз по ступеням трона, как Маркус хватает ее за запястье.

— Нет, ты останься, — он толкает ее обратно на трон. Сестра на мгновение встречается со мной взглядом. Я не чувствую в нем страха, только предостережение. Авитас отступает на шаг — безмолвный свидетель происходящего.

Маркус вытаскивает свиток пергамента и бросает его мне. На печати сверкает герб, и я сразу узнаю эту литеру К над скрещенными мечами. Это печать Коменданта.

— Читай, — приказывает он. Из-за его плеча на меня смотрят глаза Ливии — очень встревоженные, хотя держать лицо она научилась просто великолепно.

«Государь Император!

Карконский колдун Гриммар опустошает Навиум набегам. Нам нужно больше людей. Половины легиона пока будет достаточно. Отцы кланов Навиума согласны со мной, ниже они прилагают свои печати.

Верность долгу до самой смерти!

Генерал Керис Витурия».

— У нее там уже целый легион, — говорю я, дочитав письмо. — С пятью тысячами человек она могла бы подавить целое восстание варваров.

— И все же, — Маркус извлекает из-под доспехов еще один свиток и кидает его мне, потом еще один, и еще... — Отцы кланов подтверждают просьбу о помощи. Эквиитус, Татиус, Аргус, Модииус, Висселиус и все остальные. Они считают, что помощь прислать необходимо. С тех пор, как пришло послание Керис, их приспешники здесь, в Антиуме, атакуют меня просьбами. Погибло уже триста человек, к тому же флот этих собак-варваров приближается к нашему порту. Кто бы ни был этот Гримарр, он действительно намерен взять проклятый город.

— Но Керис наверняка может...

— Она что-то *замышляет*, тупая ты сука! — Рев Маркуса раскатывается эхом по всему залу. Он делает пару шагов в мою сторону и нависает надо мной. Его лицо всего в нескольких дюймах от моего. Харпер напрягается, Ливия привстает с трона. Я чуть качаю головой, подавая сестре знак. «Не стоит, сестренка, я сама могу справиться».

Маркус гневно стучит костяшками пальцев по моей голове.

— Когда наконец я вкочучу это в твою пустую башку? Если бы ты позаботилась о Керис, как я тебя просил, всего этого сейчас не было бы. *Заткнись, я кому сказал!*

Он разворачивается к Ливии — но та не открывала рта. Взгляд Маркуса устремлен на что-то между ним и моей сестрой. Я вспоминаю предположение Ливии, что Императору является призрак его брата-близнеца, Зака, убитого им много месяцев назад во время Испытаний.

Маркус подступает ко мне так близко, что я чувствую сквозь маску его дыхание. Он так и сверлит меня взглядом. Глаза вытаращены, будто вот-вот выпадут из глазниц.

— Вы не приказывали ее убить, государь, — я очень медленно отстраняюсь. — Вы приказывали низложить ее, а низложение требует времени.

— Я приказывал, — он пытается обуздать свой гнев, но это напускное спокойствие еще страшнее, чем ярость. — Я приказывал соответствовать своей должности. У тебя было три месяца! Сейчас из Керис уже должны выползть могильные черви. А вместо этого она стала сильнее, чем была до этого. Империя же, напротив, слабеет. Так ответь мне, Кровавый Сорокопут, что ты намерена с ней сделать?

— У меня есть ценные сведения, — я стараюсь сделать свой голос максимально убедительным, держусь твердо и уверенно. Ничто не мешает мне справиться с Керис. — Этих сведений достаточно, чтобы одолеть ее.

— Что за сведения?

Я не могу рассказать ему о том, что Элиас говорил про Квина. Это недостаточно ценные сведения, и Маркус начал бы расспрашивать, где и как я их получила. Узнай он, что Лайя и Элиас были у меня в руках и я их пустила — разорвет мою сестру на части.

— У стен есть уши, мой повелитель, — говорю я. — И не все, кто слышит нас — наши союзники.

Маркус окидывает меня оценивающим взглядом. Потом разворачивается к моей сестре, рывком поднимает ее на ноги и швыряет к подножию ее собственного трона, заламывая руку за спину.

Она молчит — тем особым молчанием женщины, которая быстро привыкла к насилию и готова на все, чтобы выжить. Моя рука стискивает рукоять кинжала. Ливия встречается со мной взглядом, в ее глазах страх — не за себя, а за меня. Ярость моментально стихает. *Помни, чем больше гнева ты выразишь при нем, тем сильнее он заставит ее страдать.*

Я стараюсь мыслить трезво и принимать обдуманное решение. Но все равно ненавижу себя за то, что не могу отрубить руки, которые причиняют боль моей сестре. Не могу вырвать язык, который говорит ей оскорби-

тельные слова, вложить в руки меч, чтобы она сама себя защитила.

Маркус вскидывает голову.

— Твоя сестра отлично играет на музыкальных инструментах, — говорит он. — Этим искусством она развлекала моих гостей. Можно сказать, очаровала их своей прекрасной игрой. Но, думаю, у нее в запасе еще много способов их развлечь. — Он наклоняется к уху Ливии. Та лежит неподвижно, глаза смотрят куда-то вдаль, губы плотно сомкнуты. — Ты же умеешь петь, любовь моя? Уверен, у тебя очень красивый голос.

Медленно, с наслаждением он начинает выламывать один из ее пальцев. Сильнее, сильнее, еще сильнее... Это невозможно вынести! Я двигаюсь вперед — но кто-то перехватывает меня за плечо.

— Этим ты только навредишь ей, — шепчет мне в ухо Авитас.

Палец Ливии трещит и ломается. Она рвано вдыхает воздух, но не издает ни звука.

— Это все — твоя вина, — сообщает Маркус. Он хватает другой ее палец и так же медленно выламывает его. Я знаю — он получает от этого наслаждение. На висках сестры выступают капельки пота, лицо становится белым, как мел.

Когда второй палец тоже ломается, Ливия не может сдержать стон и прикусывает губу.

— Моя храбрая пташка, — Маркус улыбается ей, и я страстно желаю вырвать ему глотку. — Ты же знаешь, мне больше нравится, когда ты кричишь. — Потом он разворачивается ко мне, и улыбка покидает его лицо. — Помни, что произойдет, если ты снова подведешь меня.

Маркус рывком поднимает мою сестру и швыряет ее на трон. Головой она ударяется о камень. Ливия дрожит и нянчит израненную руку здоровой, взгляд пылает ненавистью. Она с яростью смотрит на Маркуса, но когда он поворачивается к ней, ее лицо снова спокойно и бесстрастно.

— Отправляйся в Навиум, Сорокопут, — приказывает Маркус. — Разузнай, что там планирует Блэкклифская сука. И уничтожь ее, порежь ее на куски. Сделай это быстро. К Луне Урожая я хочу видеть ее голову на конце копья. Пусть к тому времени вся Империя умоляет меня убить ее. Пять месяцев — достаточно долгий срок, не правда ли? Даже для тебя. Каждые три дня ты будешь докладывать о положении дел с помощью барабанов. И еще, — он бросает взгляд на Ливию, — если я буду недоволен работой, то продолжу ломать пальчики твоей сестренке, пока у нее на руках не останутся сплошные культы.

8: Лайя

Я бегу несколько часов подряд, еще и еще, минуя множество патрулей меченосцев. Изю всех сил я стараюсь сохранить невидимость. Голова начинает пульсировать невыносимой болью, а ноги — дрожать от холода и усталости. Душа ужасно болит от волнения за Элиаса, Дарина, Афию... Даже если чудом все они выжили, что нам делать теперь, когда о набегах стало известно Империи? Солдаты меченосцев наводнят эти земли. Мы не сможем продолжить наше дело, риск слишком велик.

Неважно. Главное сейчас — добраться до лагеря. И молись небесам, чтобы Дарин тоже оказался там.

Следующей после набега ночью, около полуночи, я наконец добираюсь до одинокого сухого дуба, под которым раскинут наш шатер. Его ветви скрипят на ветру. Лошади ржут, почуяв меня, а от дерева отделяется знакомая фигура. Дарин! Я едва не плачу от облегчения. Силы почти полностью покинули меня, я не могу даже крикнуть, позвать его. Просто сбрасываю невидимость.

Но как только я это делаю, перед моими глазами падает тьма. Я вижу маленькую комнату и посреди нее сгорбленную фигуру. Но видение исчезает, и я с трудом ковыляю к лагерю. Дарин, заметив меня, бежит навстречу и крепко обнимает. Афия выбегает из усталой мехами круглой палатки, в которой живем мы с братом. На ее лице одновременно гнев и облегчение.

— Девчонка, ты дура, каких свет не видывал!

— Лайя, что с тобой случилось?

— Скажите, вы нашли Маму? Узники в порядке?

А Элиас...

Афия поднимает руку, обрывая меня.

— О Маме сейчас заботится целитель из племени Нур, — говорит *залдара*. — Мое племя проводит узников на земли кочевников. Я собиралась вести их сама, но...

Она оглядывается на Дарина, и я все понимаю. Афия не хотела оставлять его одного, потому что не знала, вернусь ли я. Я торопливо рассказываю им о засаде Кровавого Сорокопута и о том, как исчез Элиас.

— Вы не видели Элиаса? — *О небеса, пусть с ним все будет в порядке!* — Он не выходил из Леса?

Афия пожимает плечами, глядя назад, на стену деревьев у западной границы Мест Ожидания. Дарин просто качает головой.

Я мрачно смотрю на деревья. Если бы только я обладала силой прожечь сквозь лес дорожку к обители джинна! *Зачем ты похитила его, Шэва? Зачем ты его так мучаешь?*

— Заходи, — Дарин втаскивает меня в палатку и накидывает на плечи шерстяное одеяло, которое служило ему постелью. — Ты можешь сильно простудиться.

Афия откидывает меховой полог, закрывающий отверстие для выхода дыма, и дует на угли в нашем маленьком очаге, пока на ее бронзовое лицо не начинают падать золотые отсветы пламени. Некоторое время спустя я наконец жадно глотаю горячее рагу из картошки и тыквы, которое приготовил Дарин. Оно слегка переварилось, и красного перца так много, что я давлюсь и обжигаю горло. Дарину кулинарное мастерство никогда не давалась.

— Время наших набегов прошло, — говорит Афия. — Но если вы хотите продолжать сражаться с Империей, можете пойти со мной. Присоединяйтесь к племени Нур. — После короткой паузы кочевница поясняет: — Насовсем.

Мы с братом обмениваемся взглядами. Обычно кочевники принимают кого-то в племя только двумя способами: через брак или через усыновление. Получить приглашение присоединиться к племени кочевников — великая честь. Тем более быть приглашенным самой *залдарой*, вождем!

Я протягиваю к Афии руку, пораженная ее щедростью, но она стряхивает мою ладонь.

— Вы все равно уже практически члены моей семьи, — говорит она. — И ты меня знаешь, девочка. Я всегда хочу что-то получить взамен. — Она поворачивается к моему брату. — Многие отдали свои жизни, чтобы спасти тебя, Дарин из Серры. Пришло твоё время ковать серрийскую сталь. Материалами я тебя обеспечу. Небесам ведомо, что кочевникам сейчас нужна помощь, как никогда прежде.

Мой брат складывает руки так, как он делает, когда его начинают мучить фантомные боли в отсутствующих пальцах. Лицо его бледно, губы плотно сжаты. Демоны в его душе снова пробудились.

Всей душой я хочу, чтобы брат наконец сказал, что принимает предложение Афии. Быть может, это наш единственный шанс продолжить войну с Империей! Но когда я поворачиваюсь к Дарину, он поднимается и выходит из палатки, бормоча о том, что ему нужен свежий воздух.

— Есть новости от ваших шпионов? — поспешно спрашиваю я Афию, надеясь отвлечь ее внимание от Дарина. — Меченосцы еще не отзывали свои войска?

— Они послали еще один легион из Ущелья Ателлы в пустыню кочевников, — отвечает Афия. — Арестовали по ложным обвинениям несколько сотен человек из клана Нур: мошенничество, перевозка контрабанды и, одним небесам ведомо, что еще. Ходят слухи, что они планируют везти узников в имперские города и продавать их, как рабов.

— Но ведь кочевники защищены законом! Договор, заключенный с ними Императором Таиусом, в силе уже пять веков!

— Император Маркус плевать хотел на договор, — хмуро отвечает Афия. — И это еще не самое худшее. В Садхе какой-то легионер убил *кеханни* племени Алли.

Я поражена до глубины души и не могу этого скрыть. *Кеханни* — хранители преданий и истории кочевников, они неприкосновенны. Выше их рангом

только *залдары*, вожди. Убийство *кеханни* равнозначно объявлению войны.

— Племя Алли после этого напало на ближайший к ним гарнизон меченосцев, — продолжает Афия. — А Империи только это и было нужно. Командующий гарнизоном Маска обрушился на племя, как молот на наковальню, и теперь все до единого Алли либо мертвы, либо в тюрьме. Племя Сийяд и племя Фози поклялись отомстить Империи. Их *залдары* приказали атаковать имперские деревни. Убито около сотни меченосцев, и среди них — не только солдаты.

Она многозначительно смотрит на меня. Если кочевники убивали мирных жителей меченосцев — детей, женщин, стариков — месть Империи будет страшной.

— Они провоцируют нас. — Афия тоскливо смотрит на небо. — Пытаются нас ослабить. Нам нужна сталь, Лайя. Подумайте над моим предложением.

Она накидывает плащ, чтобы выйти наружу, и на миг задерживается у откинутого полога палатки.

— Но думайте быстро. Что-то грозное близится. Я чувствую это в воздухе, даже в собственных костях. И речь не только о нападениях меченосцев.

Предостережение Афии не дает мне покоя всю ночь. Перед самым рассветом я решаю оставить попытку уснуть и выскальзываю из палатки. Я пробираюсь туда, где несет караул мой брат.

Призраки Земель Ожидания беспокойны. Очевидно, что их раздражает и злит наше присутствие. Мучительные стоны мешаются с воем холодного северного ветра. Это настоящий ледяной хор, от которого волосы встают дыбом. Я поплотнее запахиваю на плечах плед и сажусь рядом с братом.

Мы сидим молча, глядя на верхушки деревьев Земель Ожидания. Небо над ними постепенно из черного делается темно-синим, а на востоке разгорается бледный рассвет. Через некоторое время Дарин все же нарушает молчание.

— Ты хочешь знать, почему я больше не могу делать оружие?

— Ты не обязан говорить об этом, если не считаешь нужным.

Мой брат сжимает кулаки и снова разжимает их — привычка, которая появилась у него в раннем детстве. Он левша, и на его левой руке недостает среднего пальца и мизинца.

— Материалы достать несложно, — говорит он. Стоны призраков становятся еще сильнее, и ему приходится повышать голос. — Проблема в самом процессе. Это очень сложно. Как составить нужную смесь металлов, как ковать, когда остужать клинок, как его полировать... Я помню многое, но... — Он щурится, словно пытаюсь разглядеть что-то очень далекое. — Но еще больше я забыл. В тюрьме Кауф, в камере смертников, я словно проваливался в безвременье, целые недели исчезали. Я не могу вспомнить лица отца, бабушки... — Его слова еле слышны из-за криков призраков. — Что, если твоя подруга Иззи умерла напрасно? А родные Афии погибли ни за грош? Что, если даже сам Элиас обещал отдать себя служению Ловца Душ просто так? Вдруг выкованное мной оружие будет ломаться?

Я могла бы сказать ему, что этого не может быть. Но Дарин всегда чувствует, если я лгу. Я просто беру брата за левую руку, сильную и покрытую мозолями.

— Есть только один способ это узнать, Дарин, — говорю я. — Мы не можем сделать это, пока не...

Меня перебивает особенно громкий крик боли, который доносится из Леса. Верхушки деревьев трепещут, земля содрогается. Меж стволов я вижу странную белую вспышку. Призраки вопят.

— Что там происходит? — Дарин морщится от этого ужасного звука. Обычно мы игнорируем стоны призраков, но сейчас я зажимаю ладонями уши. Так громко они кричат.

Через некоторое время я понимаю, что призраки издают не бессвязные звуки. В их криках слышится одно

конкретное слово. Они повторяют его сквозь боль, и это мое имя...

«Лайя! Лайя! Лайя!»

Мой брат тоже это слышит и тянется к мечу, но голос его спокоен — таким тоном он всегда говорил до Кауфа.

— Помни, что говорил Элиас. Нельзя верить призракам. Они завывают, чтобы смутить нас.

— Но ты прислушайся, — шепчу я. — Слушай, Дарин.

«Твоя вина, Лайя, — повторяют они, столпившись у незримой границы Земель Ожидания. Их полупрозрачные тела просвечивают друг сквозь друга, образуя густой туман. — Он приближается».

— Кто? — Я делаю шаг в сторону деревьев, не обращая внимания на протесты брата. Я никогда еще не входила в лес без сопровождения Элиаса и не знаю, возможно ли это. — Вы говорите об Элиасе? Он жив?

«Смерть приближается. Виновата в этом ты!»

Я чувствую, как ладони становятся скользкими от пота, кинжал едва не выпадает из руки.

— Объясните, что вы имеете в виду! — кричу я.

Я подошла уже достаточно близко к стене деревьев и могу разглядеть тропу, по которой обычно приходил Элиас, чтобы встретиться с нами. Я никогда не бывала в жилище Элиаса и Шэвы, но он объяснял, что домик стоит в самом конце тропы — не дальше лиги от границы леса. Именно из-за этой тропы мы разбили здесь лагерь — как самый быстрый путь, по которому Элиас может прийти в наш мир.

— Здесь что-то не так, — говорю я Дарину. — Что-то произошло...

— Это просто призраки, Лайя, они и ведут себя как призраки, — возражает Дарин. — Хотят заманить тебя в лес и свести с ума.

— Но мы с тобой никогда не сходили с ума от голосов призраков! — говорю я, и мой брат умолкает. Мы оба не знаем, почему близость Земель Ожидания не

действует на нас так сильно, как на других людей. Кочевники и меченосцы не могут долго этого вынести и в скором времени теряют рассудок, поэтому и держатся от леса подальше.

— Ты когда-нибудь видел так много призраков столь близко от границы, Дарин? — Число привидений, похоже, растёт с каждой секундой. — Не могли же они все явиться сюда только для того, чтобы помучить меня! Что-то ужасное случилось с Элиасом. Что-то идет не так...

Я чувствую странную, необъяснимую, огромную силу. Что-то неудержимо тянет меня к Сумеречному Лесу.

Я бегу обратно к палатке и наспех собираю свои вещи.

— Тебе не обязательно со мной идти.

Но Дарин тоже поспешно набивает свою суму.

— Куда ты, туда и я, — твердо говорит он. — Это огромный лес. Он может оказаться в любой его части.

— Он совсем близко, — говорю я уверенно. Древний инстинкт тянет меня вперед, как крючок рыбы. — Я в этом не сомневаюсь.

Когда мы добираемся до деревьев, я готова к сопротивлению призраков. Им всегда не нравилось наше вторжение. Но они только молча смотрят на нас, столпившись в таком огромном количестве, что я едва могу видеть сквозь них.

«Он здесь. Он идет. Из-за тебя! По твоей вине».

Я стараюсь игнорировать этот вой и спешу по извилистой тропке. Через некоторое время стена призраков становится тоньше. Я оглядываюсь и вижу, как их ряды трепещут от осязаемого страха.

Мы с Дарином переглядываемся. «Небеса, что на свете может так напугать призрака?»

С каждым шагом становится все тяжелее дышать. Я не первый раз в Землях Ожидания. Когда мы с Дарином только начинали свои набеги на караваны с узниками, Элиас провел нас по ветрам от самого Маринна.

Лес никогда не был особенно гостеприимен — но и настолько враждебным он никогда не бывал.

Меня охватывает ужас, и я ускоряю шаг. Чем дальше, тем ниже становятся деревья. Вскоре сквозь ветви начинает маячить поляна. Мы выбираемся туда и видим на опушке леса косую серую крышу маленькой хижины.

Дарин хватается за руку и прижимает палец к губам. Он тянет меня припасть к земле. Я слушаюсь его. Мы продвигаемся вперед дюйм за дюймом, с максимальной осторожностью. Где-то рядом слышится умоляющий женский голос. Голос, отвечающий женщине, кажется мне невероятно знакомым. Да, это его баритон! Облегчение накатывает на меня могучей волной. *Элиас.*

Но облегчение длится недолго. Женский голос замолкает. Ветви деревьев громко шумят, и перед моим взглядом проносится вихрь черных волос. Шэва! Она смыкает пальцы на моем плече и вздергивает на ноги.

— Ответы на вопросы ты найдешь в Адисе. — Я морщусь от боли и пытаюсь освободиться, но у Шэвы сила джинна. — Ты найдешь их у Пчеловода. Остерегайся, потому что он облечен ложью и тенью, подобно тебе самой. Найди его себе на беду, дитя, иначе потеряешь слишком много! Несмотря на то, что спасла нас всех...

Она отдергивается, словно ее отрывает от меня невидимая рука. Мое сердце бешено колотится. *Небеса, только не это...*

— Лайя из Серры, — всегда и везде я бы узнала это змеиное шипение. От него пробуждается море, а земля содрогается. — Ты всегда появляешься там, где тебе не следует быть.

Дарин кричит что-то, пытаюсь предостеречь меня. Я не обращаю внимания и выхожу на середину поляны. Гнев переполняет меня, я забываю про осторожность. Элиас в доспехах пригвожден к дереву, каждый его мускул стянут невидимыми путами. Он содрогается, как животное в силках, и сжимает кулаки. Все его тело выгибается, тянется вперед.

Шэва падает на колени. Черные волосы метут землю, лицо желто, как воск. Она не имеет возраста, но сейчас от отчаяния кажется очень древней.

Князь Тьмы, облаченный в черноту, возвышается над ней. В его призрачных руках сверкает серп, словно сделанный из напитанных ядом алмазов. Он держит его легко, но тело напряжено — он собирается использовать это оружие!

Из моего горла вырывается рычание. Я должна что-то сделать, должна остановить его! Но я полностью обездвижена. Магия, пригвоздившая Элиаса, удерживает и нас с Дарином.

— Князь Тьмы, — шепчет Шэва. — Прости меня за мой проступок. Я была слишком юна, я...

Голос ее срывается. Безмолвный Князь Тьмы проводит пальцами по лбу Шэвы, как отец, благословляющий свое дитя.

А потом наносит ей удар в сердце.

Тело Шэвы изгибается, руки рассекают воздух. Она бьется, словно стремясь нанизаться на лезвие серпа, рот широко открывается. Я ждала крика боли, вопля... Но вместо этого из ее рта исходят слова:

Одна часть осталась, бойтесь Жнеца во Вратах!

Птицы утонут — никто не узнает.

Прошлое сгинет — никто не заметит.

Мертвые встанут — живых не останется.

В крови придет в мир дитя живое.

Жемчужина треснет, холод придет.

Мясник будет сломлен, никто не вмешается.

Жена-Призрак падет, плоть Призрака иссохнет.

К Луне Урожая Король получит ответ.

К Луне Урожая забытые обретут господина.

Голова Шэвы падает на грудь. Ресницы ее трепещут, как крылья бабочки. Лезвие серпа насквозь прошло тело, течет алая кровь — такая же, как моя. Лицо джинна угасает.

А потом ее тело вспыхивает ярким огнем, и через несколько мгновений от него остается лишь пепел.

— Нет! — вопит Элиас, по лицу его текут потоки слез.

«Не надо, Элиас! Не зли Князя Тьмы, — хочу я крикнуть ему. — Не надо, он же убьет тебя!»

Вокруг палача кружится вихрь пепла — все, что осталось от Шэвы. Впервые за это время он переводит взгляд на Элиаса, склоняет голову на плечо и приближается, не выпуская серпа из рук.

Я отстраненно вспоминаю то, что мне рассказывал Элиас. Он узнал это от Ловца Душ: Звезда защищает тех, кто касался ее. Князь Тьмы не может убить Элиаса. Но он может причинить ему ужасную боль. А я, клянусь небесами, не смогу вынести этого!

Я пытаюсь рвануться вперед, но меня отбрасывает неведомая сила. Князь Тьмы игнорирует меня, он полностью уверен в себе и спокоен. *Я не дам тебе причинить боль Элиасу! Никогда!* В груди вскипает дикая ярость и овладевает моим телом. Однажды я уже чувствовала нечто подобное — несколько месяцев назад, когда сражалась с Князем Тьмы у тюрьмы Кауф. Из рта вырывается страшный животный крик. На этот раз, когда я рвусь вперед, ничто не может меня удержать. Дарин пытается бежать за мной, но Князь Тьмы скидывает руку — и брат замирает на месте. Однако на меня магия джинна не действует. Я бросаюсь между Князем Тьмы и Элиасом с кинжалом в руке.

— Не смей к нему прикасаться, — говорю я.

Горящие глаза Князя Тьмы мерцают, когда он смотрит сначала на меня, потом на Элиаса, пытаюсь понять, что связывает нас. Я вспоминаю, как он предал меня. Чудовище! Насколько он уже продвинулся в том, чтобы освободить джиннов? Предсмертное пророчество Шэвы — вот ответ на мой вопрос. Еще одна часть Звезды остается ненайденной. Знает ли Князь Тьмы, где ее искать? Зачем ему нужна была смерть Шэвы?

Он смотрит на меня, и я вспоминаю чувство, которое когда-то вспыхнуло между нами. Любовь была такой же яркой, как и пламя ненависти сейчас. Вспоминаю битву двух сил и опустошение, которое за ней последовало.

Плечи Князя Тьмы чуть дрогнули, словно от нерешительности. Может быть, он умеет читать мысли? Он снова переключается на Элиаса, глядя на него через мое плечо.

— Элиас Витуриус, — говорит джинн, делая шаг вперед. Я бросаюсь к Элиасу и прикрываю его своей грудью. За моей спиной дорогой друг, я чувствую сильное биение его сердца, разбитого смертью Шэвы. Передо мной — ужасный гнев Князя Тьмы, разжигаемый тысячами страданиями и бесконечной жестокостью.

Джинн говорит, даже не удостоив меня взглядом.

— Она сладкая на вкус, мой мальчик, — усмехается он. — Похожа на ясный рассвет и чистую росу.

Элиас замирает подо мной, глубоко вдохнув. Он встречается взглядом с Князем Тьмы и бледнеет от мрака его пылающих глаз. А потом испускает яростный рык, исходящий будто из недр самой земли. Тени извиваются под его кожей, как виноградные лозы. Мускулы на плечах, груди, руках натягиваются от невероятных усилий, пока наконец он не разрывает невидимые узы. Элиас поднимает руки, и от него исходит ударная волна, отбрасывая меня на землю.

Князь Тьмы шатается всем телом, но выпрямляется вновь.

— А, щенок умеет кусаться, — лениво выговаривает он. — Ну, так еще интереснее. — Я не могу разглядеть под капюшоном его лица, но по голосу чувствую, что он улыбается. Князь вскидывает голову, и по поляне проносится порыв ветра. — Всегда скучно убивать того, кто не сопротивляется.

Он оглядывается на восток, на что-то, чего мы не можем видеть. В воздухе свистит нечто, похожее на го-

лос, словно джинн разговаривает с невидимкой. А потом порыв ветра подхватывает его, как тогда в лесу возле Кауфа, и он исчезает. На этот раз вместо тишины, наступившей после его ухода, слышатся голоса призраков. Они сразу заполняют собой поляну, спеша сюда от границ Места Ожидания.

«Ты, Лайя, только ты во всем виновата!»

«Шэва мертва...»

«Элиас обречен...»

«Джинн вот-вот победит...»

И это все из-за меня.

Призраков так много! Их слова сковывают мне сердце, словно тысячи цепей. Я стараюсь бороться, но не могу, потому что они говорят правду. Духи неспособны лгать.

«Одна часть осталась». Князю Тьмы осталось найти последний осколок Звезды, чтобы освободить свой народ. Он близок к цели. Настолько близок, что я обязана действовать быстро и не имею права на ошибку.

Призраки кружатся вокруг меня, как вихрь. Они такие яростные, что я боюсь, как бы не прокусили мне кожу. Элиас прорывается сквозь их хоровод и поднимает меня на ноги.

Дарин уже рядом, он подобрал мой мешок и принес его. Брат гневно смотрит вслед призракам, которые разлетаются прочь, исчезая среди деревьев.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, Дарин кивает. Он тоже слышал Шэву и знает, что нам нужно делать.

— Мы отправляемся в Адису, — твердо говорю я. — Пора покончить с этим. Нужно остановить его.

9: Элиас

Время Земель Ожидания разом падает на мои плечи. Теперь Лес — это часть меня, я чувствую его границы, всех до единого призраков, каждое дерево. Как будто в моем мозгу отпечаталась живая карта этих земель.

Сердцевина этого бремени — отсутствие Шэвы. Я смотрю на упавшую корзину, на рассыпанные травы, которые она уже никогда не соберет, чтобы добавить в вечернее рагу. Никогда больше мы не будем ужинать в нашем доме, порог которого ей теперь не суждено переступить...

— Элиас... призраки... — выдыхает Лайя, прижимаясь ко мне. Обычно скорбные и унылые, духи становятся агрессивными и злыми. Мне нужна сила Маута, чтобы утихомирить их. Необходимо ощутить с ними связь. Сделать то, чему меня учила Шэва.

Но когда я силой воли призываю Маута, то чувствую только слабое веяние его магии. Затем и оно исчезает.

— Элиас? — Невзирая на злобные вопли призраков, Лайя берет меня за руку. Губы ее сжаты, лицо сосредоточено. — Я так сожалею о гибели Шэвы. Она что, действительно...

Я в силах только кивнуть. Да, Шэва действительно умерла.

— Все произошло так быстро, — я чувствую странное облегчение от того, что Лайя так же поражена гибелью моего друга. — А ты... как ты себя... — она качает головой, не в силах поверить. — Конечно, ты чувствуешь себя ужасно. Небеса, как же иначе!

Стон Дарина отвлекает нас друг от друга. Призраки плотно окружили его, взяв в кольцо, и шепчут какие-то ужасы. «О преисподняя!» Нужно срочно отправлять Лайю и Дарина подальше отсюда.

— Если хотите попасть в Адису, — говорю я, — кратчайший путь лежит через лес. Дорога в обход займет многие месяцы.

— Ты прав, — Лайя соглашается — но тут же запинаятся. — Но, Элиас...

Если мы снова заговорим о Шэве, внутри меня что-то окончательно сломается. Она только что была здесь, а теперь ее нет. Это уже никто не в силах изменить. Непреклонность смерти всегда казалась мне чем-то сродни предательству. Но я не могу позволить себе предаваться скорби и гневу, когда мои друзья в опасности. Я должен двигаться. Должен сделать все, чтобы смерть Шэвы была не напрасной.

Лайя пытается что-то сказать, когда я беру Дарина за руку и ступаю на дорогу ветра. Лес вокруг нас меркнет, она умолкает и стискивает мою руку. Я чувствую, она понимает меня, как никто другой.

Я не могу передвигаться со скоростью Шэвы, но все же через четверть часа мы добираемся до одного из мостов через реку Сумеречную. Через несколько секунд мы уже на другом берегу и мчимся меж деревьев. Я направляюсь на северо-восток. Лайя бросает на меня взгляд из-под завесы волос, которые падают ей на лицо. Я так хочу поговорить с ней! *Ад побереи Князя Тьмы! Мне плевать, что он там наговорил. Для меня важно одно — чтобы вы все были в порядке.*

— Скоро прибудем... — начинаю я, но тут меня перебивает другой голос. Целый хор ненавидящих голосов. Я знаю, кому они принадлежат.

«Тебе скоро конец, узурпатор», — слышится пение.

Это джинны. Однако же их роща находится в милях отсюда. Как они могут докричаться до нас через такое большое расстояние?

— Заткнитесь, — рявкаю я. И думаю о шепотках, которые слышал за миг до исчезновения Князя Тьмы. Я не сомневаюсь, это он повелевает своими родичами, огненными чудовищами. Он отдает им приказы. Джинны хохочут.

«Мы — могущественный народ, жалкий смертный. Ты не сможешь заменить собой Шэву. Ты не сможешь стать Ловцом Душ».

Я не обращаю на них внимания, надеясь, что в конце концов они сами заткнутся. Хотелось бы знать, издевались ли они так же над Шэвой? Преследовали ее своими голосами? Может, она мне просто ничего не говорила?

Грудь разрывается от боли при одной мысли о Ловце Душ... А как же все остальные? Тристас... Деметриус... Линдер... Кровавый Сорокопут... Мой дед... Неужели все, кто имеет несчастье сблизиться со мной, обречены страдать?

Дарин дрожит, сжимая зубы под натиском призраков. Лицо Лайи посерело, хотя она идет терпеливо, без единой жалобы.

В конце концов они сдадутся. Но ты это выдержишь! Любви здесь не место.

Ладонь Лайи в моей руке кажется такой маленькой и холодной. У нее отчаянно бьется пульс — напоминание о смертности. Так или иначе, она умрет. Даже если вынесет все испытания и проживет долгую жизнь. Все эти годы — ничто по сравнению с вечностью Ловца Душ. Она умрет, а я останусь, с течением времени теряя все человеческое.

— То самое место, — говорит Лайя, указывая вперед. Деревья расступаются, образуя поляну. Я вижу дом, в котором Дарин восстанавливался после побега из Кауфа много месяцев назад.

Когда мы подходим к границе леса, я отпускаю брата и сестру. Дарин крепко обнимает меня.

— Не знаю, как тебя и благодарить... — начинает он, но я его прерываю:

— Останься в живых, это лучшая благодарность. У меня тут достаточно проблем. Не хочу возиться с твоим призраком.

Дарин отвечает на мою шутку улыбкой. Потом, оглянувшись на сестру, благоразумно устремляется к дому.